

Босс с причудами

Варвара Корсарова

18+

Варвара Корсарова

Босс с причудами

«Автор»

2026

Корсарова В.

Босс с причудами / В. Корсарова — «Автор», 2026

Босс моего жениха – деспот и сатрап. Он не только заставляет сотрудников работать с утра до ночи! Он требует, чтобы они пели частушки, и наказывает провинившихся, заставляя отжиматься от пола. Причуд у Родиона Романовича столько, что хватит на целый дурдом! И я – его последняя причуда! Мы заключаем необычный договор. Родион Романович хочет, чтобы я научила его радоваться жизни. А я хочу, чтобы он не придибался к Эдику и дал ему повышение. Но, кажется, мы оба неправильно выполняем условия... Книга была написана в 2022 г. Присутствуют упоминания алкогольных напитков и сцены их распития.

© Корсарова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	13
3	21
4	30
5	37
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Варвара Корсарова

Босс с причудами

1

Как только Эдик переступает начищенным ботинком порог моей квартиры, становится ясно: вместе с букетом роз мой жених принес плохие вести.

Как я это понимаю?

По его сладкой улыбке. По трогательно сведенным бровям. Ну и по букету, разумеется.

Парень скупает для девушки цветочную лавку по трем причинам.

Причина первая: на него нашел приступ романтического помешательства.

Причина вторая: его девушка – звезда сцены, и он идет к ней на концерт.

Ну и третья причина: он серьезно накосячил.

В романтическом безумии Эдик раньше замечен не был. Концерты я устраиваю только в ванной, когда никто не слышит.

Значит, третье. Вон какой букет – размером с баобаб, замотан в золотой целлофан, перевязан пунцовой лентой.

Любая женщина при виде такого царского венка обязана заверещать и кинуться дарителю на шею. Какие жертвы ради нее: умерщвлены несколько десятков роз!

Но я не верещу и не прыгаю; я хмурюсь.

– Танюсечка, привет! Ужасно по тебе соскучился за день, – объявляет Эдик.

Танюсечка! Точно, накосячил.

Я улыбаюсь, но улыбка получается кривой. От приторности Эдиковаго голоса у меня свело челюсти.

– Привет, Эдик-медведик, – не остаюсь в долгу.

Эдик морщится, но молчит.

Молодец, что сдержался. Эдик – настоящий мужчина по многим параметрам.

Он красив, как древнегреческий бог в исполнении Брэда Питта. В плечах косая сажень, глаза ясные, синие, белозубая улыбка, на щеках ямочки.

Но, что важнее внешности, – Эдик терпелив. Он покорно сносит мои закидоны. Он любит меня такой, какая я есть. Любит мои достоинства (их мало) и недостатки (их просто завались).

Оба моих бывших парня хотели, чтобы я стала другой. Стремились меня перевоспитать, переделать, чтобы я соответствовала их идеалу. И очень обижались, когда я отказывалась соответствовать.

Эдик не ставит такой цели.

Он терпит мою непунктуальность. Восхищается моей взбалмошностью – эксцентричностью по его терминологии.

Эдик хвалит меня за умение мыслить нестандартно. И никогда не говорит: «В кого ты, Таня, такая дурная?» Мой бывший Вова постоянно задавался этим вопросом. Так и растворился, не получив ответа.

Определенно, Эдик – моя судьба. Мы вместе уже год. Я люблю его, по-настоящему люблю. И поэтому готова выслушать то, с чем он явился, без истерик.

Целую его в гладкую, ароматную щеку. Эдик целует меня в губы, не выпуская букета, и колючий стебель хлестко бьет меня в висок.

– Прости! – пугается Эдик и отскакивает, прячась за букетом, как за щитом.

– Ерунда! – Морщусь я. На самом деле больно, но виду не подаю. – Проходи. Я испекла пирог с творогом.

Эдик отрицательно качает головой.

– Я на секунду. Просто захотел тебя увидеть... Мне сказать кое-что нужно.

Он произносит это так мрачно, что у меня сердце проваливается в пятки.

Кажется, дело куда серьезнее, чем я думала.

Неужели это все же... конец? Эдик пришел сказать, что нам не по пути? Что я красивая девушка и отличный товарищ, но мы слишком разные? Как заявил Вова, как Костя до него... Но с теми я рассталась без сожалений. Если же Эдик осознал, что больше не потянет мою эксцентричность и устал от моего умения мыслить нестандартно – мое сердце будет разбито.

Но я не собираюсь оттягивать неизбежное.

– Что? Да говори уже!

– Я не смогу пойти с тобой на «Крейзи-кон», – выдает Эдик скорбным голосом.

Выдыхаю. Ну елки-палки, всего-то!

Нет! Не всего-то!

Меня обжигает горчайшая обида.

На фестиваль гик-культуры, этот современный аналог маскарада, мы договорились пойти два месяца назад. Я предвкушала это событие. Приготовила для себя и Эдика изумительные костюмы. Они наверняка взяли бы первый приз. Но только в паре, потому что это костюмы Шрека и Фионы!

А тут – на тебе! Опять! В последние недели Эдик часто отменял наши свидания, задерживался на работе.

Все из-за его босса, будь он неладен!

Уверена: в этот раз тоже босс виноват. Родион Романович, деспот и первостатейный гад с причудами, которых хватило бы на целый дурдом!

Все начальники – гады. Это их естественное состояние. Если шеф добряк, это еще хуже. Мимикрирующий хищник самый опасный. Тигр прячется в кустах, а добренький начальник скрывает свою сволочную натуру до поры до времени.

Но Эдик тоже хорош! Слова шефу поперек сказать не смеет. Как холоп безмолвный!

От разочарования хочется заплакать. Я столько запланировала, приготовила номер для выступления, и все впустую! Мне физически больно, когда мои задумки идут прахом.

– Эдик, ну как так-то! – восклицаю горестно и всхлипываю. – Ну почему опять не можешь?!

– Танюша, ты только не плачь! – пугается он. К чему Эдик так и не привык за год, так это к тому, что я могу разреваться по пустячному поводу – и так же легко рассмеяться через минуту.

На этот раз повод вовсе не пустячный. Однако я нечеловеческим усилием сдерживаю рыдания.

Мило улыбаюсь и мягко говорю:

– Эдик, мы уже месяц никуда не выбирались. Я почти забыла, как ты выглядишь. У нас с тобой любовь по переписке через мессенджер. Я же просила тебя заранее освободить этот день... Так надеялась!

Эдик беспомощно пожимает широкими плечами.

– Танюша, знаю, что виноват, – вздыхает он. – Но я человек подневольный. У нас в конторе порядки, как на военном корабле. Шеф сказал: работаем в субботу – значит, работаем. Проблемы никому не нужны. На каждое место в нашей фирме очередь безработных за забором стоит.

– Это ваш шеф про забор говорит? Родька?

– Его любимая цитата, – подтверждает Эдик.

– Похоже, он тебя больше остальных невзлюбил. Все самые сложные проекты – тебе. Все сверхурочные – тебе! Ладно хоть оплачивает по справедливости. Но не все измеряется деньгами, Эдя! Твой шеф в курсе, что у тебя есть личная жизнь? Что у тебя невеста имеется?

– Шефу моя личная жизнь по барабану. Для него главное, чтобы проекты были закончены в срок и чтобы клиенты остались довольны. Он сам вкалывает как проклятый, и от других требует того же.

– Я бы никогда не смогла работать под таким начальством. Я бы ему в рожу плюнула, честное слово!

– Ну да. Поэтому у тебя и работы постоянной нет, – нетактично замечает Эдик.

– Я вольный художник, – огрызаюсь я. – Ненавижу узаконенное рабство, которое вы зовете работой в офисе.

– Бунтарка ты моя! – Эдик обнимает меня и целует. Я вижу его синие глаза совсем близко, в них отражаюсь я – злая, расстроенная бунтарка Таня.

Руки у Эдика крепкие, губы настойчивые. И я успокаиваюсь.

Все-таки это чудо, что Эдик меня любит! И любит настолько, что через полгода после знакомства заговорил о свадьбе.

Ни у кого из моих подруг нет такого красивого и терпеливого парня. Эдик редко обижается, все быстро переводит в шутку. Он идет по жизни легко, но к работе относится серьезно. Это важное качество в мужчине.

А как Эдик умеет смотреть! Он говорит комплименты глазами.

– Танюш, не обижайся, пожалуйста, – умоляет он проникновенно. – Нам и правда надо в субботу поработать, а то проект завалим. И тогда не видать мне повышения как своих ушей.

– Да я понимаю... – отрываюсь уныло. – Проходи ты уже... Что в дверях стоять!

– Ладно. Только ненадолго, – кивает Эдик. – Расскажу, что еще Родион учудил. Ты не поверишь! Теперь мы будем каждое утро петь перед работой гимн компании. Для поднятия корпоративного духа.

– Твой шеф окончательно сбрендил.

– Стопудово! – Эдик проходит в комнату и устраивается на диване. Хватает меня за руку и притягивает к себе. – Потому что мы не только гимн будем петь. Мы еще будем петь мотивирующие частушки. Ему какой-то коуч посоветовал.

– Частушки? Seriously?!

– Да. Вот, послушай...

Эдик набирает полную грудь воздуха и выводит дурашливым голосом:

– Дух командный поднимаем

Мы с утра до вечера!

Подчиненным помогаем,

Когда делать нечего!

Эдик дает петуха, замолкает и вытирает лоб.

– Класс, да? – спрашивает он иронично. – А вот еще послушай:

– На работу как на праздник

В новом галстукe приду,

О дресс-коде не забуду,

Даже запонки найду!

Я сгибаюсь пополам от смеха.

– Это кто ж такое сочинил? Неужто Родька?

– Разумеется! Распечатал сегодня утром, всем раздал, и мы хором выводили на мотивирующей пятиминутке.

– Да он Маяковский! Нет, бери выше: Шекспир. Эдик, ну как вы такого начальника терпите? Это же уму непостижимо!

Я искренне недоумеваю.

С шефом Эдика я никогда не встречалась, но рассказов Эдика хватает, чтобы составить четкое представление.

Ужасный человек, этот Родион Романович Ремезов. С большой фантазией и заоблачным самомнением.

Частушки – это так, мелочь. Ремезов ставит эксперименты над своими сотрудниками, достойные злого гения.

То возьмет и издаст приказ: для каждой отлучки в туалет или на перекур нужно заполнить и подписать заявление. Отменил он это правило только после того, как некоторые сотрудники не дотерпели.

К наказаниям он подходит с извращенной выдумкой. Предлагает накосячившему сотруднику на выбор: стандартное взыскание, штраф или ежедневные отжимания, приседания и прыжки со скакалкой в офисном спортзале. Говорит, в здоровом теле – здоровая работоспособность и меньше глупых мыслей!

Потом ввел «Час без стульев». Он где-то вычитал, что работа на ногах стимулирует мыслительный процесс. И раз в день в офисе раздается сигнал, по которому сотрудники обязаны встать и час работать стоя.

На стенах кабинетов развешены портреты: Родион Романович в шинели и треуголке Наполеона, Родион Романович в королевской мантии, Родион Романович в скафандре космонавта. Он объясняет свой дурной художественный вкус тем, что сотрудники должны восхищаться шефом – это их мотивирует.

И, что самое удивительное, они восхищаются! Его ненавидят, над ним смеются – но и восхищаются. На сайтах-хедхантерах полно положительных отзывов о фирме Родиона Романовича!

Впрочем, не исключено, что отзывы купленные.

В отзывах отмечают его хватку, справедливость и, главное, его щедрость. Родион нежадный: платит хорошую зарплату, выписывает премии и дает сотрудникам социальные плюшки.

Но если деспот тебя подкупает, он все равно остается деспотом. Я бы ни минуты не смогла проработать в таком месте. Не люблю дурдомы. Я сама себе дурдом.

Но Эдика не осуждаю. Работать под Родионом Романовичем – его выбор. Все часы переработки, дедлайны и срочные проекты ведут Эдика к его цели – стать заведующим отделом.

Настоящий мужчина не только упорен и умеет выносить неудобства. Он также способен обуздать свое самолюбие (по-простому – знает, когда нужно прогнуться). Эти качества заслуживают похвалы.

Поэтому я стараюсь не критиковать Эдикового шефа слишком уж рьяно. Хотя, когда его закидоны вмешиваются в наши с Эдиком отношения, я киплю от ярости.

– Эдик, пожалуйста... поговори с шефом! Пусть он тебя отпустит в субботу. Мне не хочется идти одной. Я тогда совсем не пойду.

– Ну что ты, Таня! Ты иди... возьми подругу, развлекись. А то и бабушку свою позови, – смеется Эдик. – Ей пойдет костюм Шрека.

Я криво улыбаюсь, так как понимаю: Эдика не уговорить. В субботу он отправится в офис и просидит там целый день, выполняя прихоти Родиона Романовича.

А я проведу вечер в одиночестве. И далеко не в первый раз. Такие срывы планов случаются регулярно.

Договоримся пойти в ресторан, а за час до выхода Эдик звонит и все отменяет. «Прости, – кается он. – Срочное совещание на работе!»

Решаем выехать на шашлыки, я покупаю мясо, мариную. Готовлю фотоаппарат, чтобы поснимать природу. Радуюсь, предвкушаю.

...Но у Эдика опять форс-мажор на работе, а мясо превращается в скучное рагу на сковороде.

Да что это такое!

Знай я Эдика хуже, подумала бы, что он мной пренебрегает. Но он каждый раз так искренне расстраивается, так извиняется, что мне его глубоко жаль, и я начинаю его утешать.

Эдик разрывается между мной и работой. Глупо ревновать его к работе и к шефу. Женщина должна вдохновлять мужчину на свершения, а не препятствовать.

И все же обидно!

– Танюша, мне пора. – Эдик поднимается с дивана.

– Уже уходишь? – Мое разочарование становится глубоким, как Марианская впадина.

– Шеф нашел нового клиента, через час будет онлайн-встреча. Он меня спешно в офис вызвал. Я же предупреждал, что на минутку заглянул... соскучился очень, Танюша.

Эдик обнимает меня и ласково чмокает в макушку.

– Потерпи еще чуточку. Вот назначит меня Родька заведомом, я буду часть работы на подчиненных скидывать. Вот тогда заживем!

– Заживем, если доживем, – бормочу ему в грудь.

– Ты же у меня умница и все понимаешь!

Эдик уходит, а я сажусь на диван и раздраженно обрываю лепестки с принесенных им роз.

Эдик был очень нужен мне сегодня. Мне был нужен его оптимизм, его готовность выслушать и посочувствовать. День выдался ужасный.

Заказчик на интернет-бирже пропал, не заплатив за статьи. Шансы выбить деньги минимальны: его имя мелькает в черном списке кидал, но выяснила я это слишком поздно.

Мама одного из учеников отказалась от моих услуг репетитора. Без объяснений. Но я и сама догадалась о причине. Вчера после урока папа мальчика решил напоить меня чаем. Я, дура такая, согласилась. Он вежливо настаивал, да и не хотелось до урока у следующего ученика час гулять по улице. А тут его супруга возьми и заявись. По ее лицу было понятно: зрелище мужа, мило чаевничающего с молодой репетиторшей в интимном полумраке гостиной, ей сильно не понравилось.

Вот так я и лишилась двух источников дохода. Остался еще один ученик, но этого мало. Надо опять шерстить заказы на онлайн-бирже, а сейчас конкуренция такая, что не пробиться.

Или искать нормальную работу, ходить на собеседования...

От одной мысли об этом меня прорывает нервная дрожь.

Горестные раздумья прерывает звонок телефона.

Бабушка!

– Татьяна! – гремит в трубке ее голос. – У меня катастрофа. Свело поясницу, представляешь? Хожу по квартире скрюченная, как Квазимодо. На улицу не выйти. А у Семы, Мухи и Кляксы кончилась еда! Они голодают! По их глазам вижу: примеряются ко мне. Ты должна помочь, если не хочешь завтра обнаружить мой обглоданный скелет.

– За кошачьей едой надо съездить?

– Догадливая ты моя. Пулей! Купи два пакета по три кило и консервов. Но только супер-премиум, холистик!

– Поняла.

– А что голос такой унылый? Случилось чего?

– Много чего, – бурчу я.

– Тогда еще прихвати в магазине мартини.

– Кошкам?

– Нам с тобой!

– Старая пьяница, – ворчу с любовью, нажимая отбой.

Я рада, что бабушка позвонила. Она – лучший тоник и антидепрессант. Если принимать ее в умеренных количествах. Больше часа в ее обществе я редко выдерживаю, начинается передозировка.

Но сегодня бабушка Аглая – именно то средство, которое мне нужно.

Быстро собираюсь и мчусь в зоомагазин.

– Явилась! – встречает меня раскатистым воплем бабушка Аглая, когда я появляюсь на площадке пятого этажа на дрожащих ногах, груженная, как ослик. Лифта в бабушкином старом доме не заведено. Поэтому бабушка Аглая каждый день имеет неплохую кардионагрузку и отличается богатырским здоровьем.

– Привет, ба. Вот твой корм.

– Не мой! Кошачий!

Она забирает пакеты и уходит на кухню. Ее шагам вторит голодное мявканье на три голоса.

По походке бабы Аглаи не заметно, что у нее прихватило поясницу. Спину она держит ровно, шагает упруго.

Костюм Шрека бабе Аглае не подойдет. Она вовсе не похожа на толстого добродушного огра. Она похожа на сводную сестру Золушки. Да, ту самую, мужеподобную хозяйку таверны.

И еще – на разбойницу из мультика «Бременские музыканты».

Баба Аглая – высоченная, плечистая, цыганистая старуха со сросшимися бровями, бородавкой на подбородке и шальными глазами.

Она полковничиха. Вышла за деда Колю, когда тот был лейтенантиком, моталась с ним по северным гарнизонам и усердно пихала его в спину на пути по карьерной лестнице. Сдается, именно она заправляла в роты и полках, а не деда Коля. Его я смутно помню как щуплого, робкого старичка с тихим-претихим голосом.

Но все же он бодро перескакивал с чина на чин, а когда вышел в отставку, стал шишкой в городской администрации, где и занимал кресло-трон до самой смерти.

Бабушка – обладатель взрывного характера и громового голоса. Когда она говорит, крупные собаки начинают нервно лаять, а мелкие дрожат и делают лужу.

Поэтому бабушка держит котов – три штуки. Собак она презирает.

Коты ей под стать: крупные, с длинными мордами и хамскими манерами. Они – единственные существа, которые бабушку Аглаю в грош не ставят. Всем прочим она внушает священный трепет. Бабушка держит в железном кулаке домоуправление, районную поликлинику и моих родителей.

А меня она трепетно любит и балует. Она говорит: «Танька, ты в меня характером пошла. Ты фейерверк и минометное орудие в одном фигуристом теле».

Тут она ошибается. Я трусливая особа и при этом склонная к импульсивным поступкам. Наворочу чего, а потом трушу, жду расплаты за содеянное.

Бабушка на это говорит: «Погоди, еще не пришел твой час. Когда надо, тогда и выстрелишь. А сейчас шипишь, искришь, крутишься на месте, как петарда с сырым запалом».

Бабушка умеет сказать емко и красочно.

Ладно, ей виднее. Петарда так петарда.

Я бабушку тоже люблю. Но именно из-за нее у меня появились неприязнь к любому начальству и страх перед собеседованиями. Ненавижу, когда мне приказывают, и терпеть не могу, когда задают вопросы с подковырками. Бабушка в этом мастер.

Бабушку я могу осадить: «Не лезь! Сама знаю! Не надо мной командовать!»

Начальству и рекрутерам так не скажешь. Они вызывают во мне глубокое отторжение. Чужие, высокомерные люди, которые внезапно решают, что имеют право мной распоряжаться. За деньги. Но, повторяюсь, деньги – не главное. Я уже три года живу от гонорара к гонорару, покупаю продукты по акциям, одеваюсь в дешевых интернет-магазинах, зато наслаждаюсь относительной свободой. И плевать я хотела на статус и престиж.

Бабушка меня за это уважает. Остальные считают инфантильной дурочкой. Но мнение остальных мне до фени.

Бабушка появляется в коридоре с папиросой в зубах. У нее полно дурных привычек.

– Проходи и рассказывай, – велит она, выпуская дым к потолку.

– Фу. – я разгоняю дым рукой, проходя в гостиную. – Вонюшка, как не знаю где.

– Не ври. Это дорогие папиросы, импортные. Мне знакомые контрабандой привезли. Отборный элитный табак.

– Он воняет, как «Беломор».

Бабушка покорно тушит папиросу в цветочном горшке и садится на диван рядом со мной.

– Рассказывай, что случилось.

– Два заработка из трех потеряла. – Пожимаю я плечами. – Ерунда, прорвемся.

– Денег дать?

– Нет!

– А еще что стряслось? Кавалер обидел? Разложить тебе, что было, что будет?

Бабушка умеет читать мысли. И гадать на картах. Ничего из нагаданного не сбывается, но ей нравится ритуал.

– Я и так знаю, что было. А что будет... какая разница? Ба, не бери в голову. Просто Эдика редко вижу. Он все на работе да на работе. Шеф у него придурок. А мне обидно.

И я рассказываю ей все, выплескиваю обиду на Эдикового шефа. Хотя в глубине души понимаю: обижаюсь я вовсе не на шефа, а на Эдика.

Бабушка выслушивает меня молча. Ее морщинистая рука яростно наглаживает спину рыжего Семы. Черная Клякса вальяжно развалилась у меня в ногах. А Муха все еще хрустит на кухне кормом.

– Безобразие, – резюмирует бабушка и резким движением скидывает кота на пол. Тот смотрит на нее с презрительной укоризной, встряхивается и уходит, задрвав хвост палкой.

Бабушка поднимается и начинает мерить шагами комнату.

– Танька, мужиком надо управлять, – рубит она воздух рукой. – Помочь, подсказать, подтолкнуть. Мужики боятся начальства. У самцов так заведено: вожаку стаи они подчиняются беспрекословно. Твой Эдька не альфа-самец. Он бета или гамма. А значит, бунтовать против шефа не будет.

– Ба, не грузи меня биологией.

– Ты должна пойти к Эдиковому шефу и поговорить с ним. Эдик без пяти минут твой муж! А поженитесь вы, дети у вас пойдут – что за жизнь будет, если его дома вечно нет? Я всегда за Колю горой была. К командирам его ходила, разъясняла, требовала. И добивалась, чего хотела! Сестра моя, Люська, такая же – помнишь бабу Люсю, у которой муж инженером на заводе был? Она пороги профкомов обивала. Тоже ради мужа старалась. Когда он любовницу завел, бухгалтершу, Люська не постеснялась, потребовала, чтобы зазную мужнину уволили, а его на собрании пропесочили. И помогло! Он быстро за ум взялся. Потом всю жизнь по одной досочке ходил, а на другую лишь поглядывал.

– Кошмар какой. Не, ба. Сейчас не те времена. Да и я не ты и не баба Люся. Я так не умею и не хочу. Если к шефу пойду и буду просить, чтобы он Эдика не загружал, я Эдику большую свинью подложу.

– Так умнее надо быть. Так разговор повести, чтобы и Эдика не подставить, и шефа на свою сторону перетянуть. Подольститься, подружиться...

– Понятия не имею, как это сделать.

– Дура ты.

– Сама такая, – бормочу под нос, как в детстве.

Бабушка слышит и улыбается.

– А то и правда, дура я старая... Ничего в вашей жизни современной не понимаю. Пойдем чай пить.

Но и за чаем бабушка не успокаивается. Капает, зудит, наставляет, как усовестить Эдикового шефа и воспитывать Эдика. Слушаю вполуха.

Чувствую, что дозировка бабушки превышена. Еще немного, и начну огрызаться. Пора домой.

– Пока, ба. – Я встаю и отправляюсь в прихожую. – Не скучай.

– Когда мне скучать? – удивляется бабушка. – Я на йогу записалась. И на курсы макияжа.

– Ты не бабушка. Ты Юлий Цезарь какой-то.

– А то!

2

Возвращаюсь медленно, еле переставляя ноги. Домой не хочется. Меня ждет пустая съемная квартира и скучный вечер. Придется заниматься тем, что я ненавижу – шерстить сайты в поисках подработки в интернете.

А вечер прекрасен! Солнце светит мягко, уютно. На улицах пахнет весной: березовыми почками, мокрой землей, мясом на гриле из кафе. Люди кругом счастливые и беззаботные. Вечер пятницы, все предвкушают развлечения в компании близких и любимых.

Мой любимый сидит в офисе под острым оком самодура. Эдику сейчас хуже, чем мне. Поэтому нечего себя жалеть.

Что было, что будет... Зря я не согласилась на бабушкино гадание. Потому что сейчас я вдруг понимаю: понятия не имею, что будет!

Где-то там, вдалеке, маячит свадьба с Эдиком. Но я не могу представить себе семейную жизнь. Как все у нас устроится? Эдик – добытчик, на работе с утра до вечера, содержит меня? А я так и перебиваюсь случайными заказами?

Когда я решила вести жизнь вольного художника, рассчитывала, что смогу уделять больше времени саморазвитию и делать то, что мне по душе. Думала: буду путешествовать с ноутбуком, выполнять заказы, сидя в уютном кафе на набережной Сочи или Генуи! Ходить на выставки, изучать восточную философию, рисовать, петь, танцевать, заниматься джиу-джитсу! Играть в компьютерные игры, шить костюмы для ролевых тусовок и гик-конвенций!

Но пока планы не спешат осуществляться. То времени нет, то устаю так, что какие уж тут танцы и джиу-джитсу... Выспаться бы всласть.

Главное – я не нашла единомышленников. Все мои друзья живут, как полагается: шагают по карьерной лестнице, платят ипотеку, заводят детей. О моих увлечениях говорят со взрослой снисходительностью: «Опять в игрушки играешься? На карнавалы ходишь? Когда за ум возьмешься, Танька? Тебе уже двадцать шесть, часики-то тикают!»

А если я выйду за Эдика... Вдруг он тоже скажет: «Берись за ум, вари борщ, воспитывай детей, раз дома сидишь?»

Пока он не намекает ни на что подобное, но кто знает!

Не хочу по-бабушкиному – держать Эдика в ежовых рукавицах, толкать его карьеру, устраивать разборки с его начальником. Хотя порой тянет последовать ее совету – явиться к Эдикову шефу и выложить все ему в лощеную морду.

Но это будет самый глупый из всех моих поступков и уж точно поставит точку в наших с Эдиком отношениях.

А если мы с Эдиком не поженимся... то что будет? Нерегулярные заказы и пустая квартира до самой пенсии?

Или все же подвернется счастливый случай, который все изменит?

Но какой случай? Что я жду от жизни?

И тут ко мне приходит понимание: понятия не имею!

Еще недавно я гордилась тем, что плыву без цели, ничего не загадывая. Думала: да, так и надо! Только так получается наслаждаться жизнью и всем, что она предлагает. Не прозябать, уткнувшись в экран компьютера, под окрики сатрапов-начальников, думая при этом, что живешь «правильно», а на самом деле влача жалкое, бессмысленное существование под чужую указку.

Но и мой путь... куда он ведет?

Философствовать я не люблю. Пугаюсь до жути, когда на меня находит подобное настроение.

Поэтому поскорей забегаю в первый попавшийся магазин косметики и набираю разных мелочей. Это лучшее средство вправить мозги.

Покупаю алую помаду и зеленый карандаш для глаз. Вряд ли я буду им пользоваться, но он же с блесками! И еще прихватываю косметичку с кошечкой-висюлькой на замке.

Потом заглядываю в магазин канцтоваров и покупаю лайнеры для рисования и плотную бумагу. Есть особое удовольствие в том, чтобы разложить лист на столе и провести первую линию, не зная, какой рисунок выйдет. Может, это будет стебель волшебного цветка, а может – очертания хвоста дракона. Бумага сама подскажет.

Нагруженная покупками, возвращаюсь домой. Вываливаю все на стол и понимаю, что ничего мне не хочется: ни рисовать, ни экспериментировать с макияжем.

А хочется общения. Хочется легкого флирта, пустой болтовни, Эдиковых шуток!

И тут, словно ответ на мои мысли, звонит телефон.

Пока ищу телефон в сумке, надеюсь, что Эдик все же решил послать шефа лесом и провести вечер со мной.

Но нет, это не он. Это моя подруга Кристина. Нежная, робкая Крися, пугливая, как лань. Ее всегда нужно пожалеть, утешить, подставить крепкое плечо. Она звонит мне, когда ей требуется это плечо или бодигард, чтобы сопровождать ее в большие незнакомые компании. Крися боится людей.

И этот звонок не стал исключением.

– Танечка, ты свободна сегодня вечером? – лепечет Крися в трубку. – Солнышко, выручи меня, пожалуйста!

– Я совершенно свободна! – говорю преувеличенно бодрым голосом. – Ну-с, что у нас стряслось?

– Меня на работе послали на презентацию. Там будет куча народу из разных компаний! Всякое высокое начальство! Я не хотела, но мне шеф велел! А я боюсь! Танечка, пожалуйста, пойдем со мной?

– Крися, кто же меня туда пустит, на презентацию вашу? Я у вас не работаю.

– Это большое мероприятие, на уровне города! Полуофициальное. Там сначала болтать будут, выступать, а потом развлечения. Фуршет, тусовка, шуры-муры. Шеф велел, чтобы я болтала, тусовалась и завязывала контакты. Вход по пригласительным, билет на двоих. А мне не с кем идти! Мне нужен кто-то сильный и смелый. Это ты, Танечка! Когда я рядом с тобой, мне все моря по колено.

– Ладно, идем!

Я соглашаюсь не раздумывая. Это именно то, что мне сейчас нужно. Тусовка, люди!

Правда, немного не те люди, с кем мне хорошо. Шишки всякие, бизнесмены. Фу-ты ну-ты, колбаса деловая!

А плевать. Мне же не собеседование у них проходить. Буду тихонько ржать над их напыщенными рожами. И Криську веселить.

– Как мне одеться?

– Что-нибудь красивое и... приличное, Тань, – робко просит Крися.

– Можно я надену костюм женщины-кошки? Латексные штаны, ушки на ободке?

– Нет! – пугается Крися.

– Да ладно, шучу! – смеюсь я. – Говори, куда подъехать. Ух, оторвемся!

С поиском «приличного» наряда возникли сложности.

Черное платье-футляр требует чистки. Пойти в белой блузке и юбке-карандаш означает испортить праздничное настроение. Ведь это не банальный корпоратив! Это крупное мероприятие с развлекательным уклоном, и я не хочу, чтобы гости путали меня с хостес.

Остается красное платье. По мнению Криськи, оно вызывающее, но я считаю его универсальным. Юбка чуть выше колена, тонкие ляточки, дорогая плотная ткань, благородный насыщенный цвет – ну что тут вызывающего?

Девушка в красном платье, пресловутая «lady in red» – это же икона, беспримысленный образ!

А чтобы Криська не придиралась, наброшу на плечи белый палантин с золотой искоркой. Наряд, достойный принцессы!

Поиск подходящих туфель, сумочки, манипуляции с прической и макияжем тоже отняли время. В результате я опаздываю.

Пока еду в такси, каждые пять минут отвечаю на отчаянные сообщения Криськи: «Танька! Ну ты где?», «Таня, я тут совсем никого не знаю! Мне страшно одной!», «Танька, если не появишься сию секунду, я спрячусь под стол!»

«К психологу бы тебе, милая, застенчивость лечить», – набираю ответ, но не отправляю.

Криська и сама знает о своей проблеме. Правда, не очень-то стремится ее исправить. Мужчинам нравятся такие вот пугливые, робкие Кристины, которые глаз поднять не смеют и говорят трепетным шепотком.

Шеф Кристины наверняка решил устроить ей шоковую терапию, потому и выпнул ее из зоны комфорта, отправив налаживать контакты с людьми. Еще один придурок, типа Родиона Романовича. Но Криська в него влюблена, поэтому я никогда не озвучиваю свое мнение.

Такси подъезжает к деловому центру «Тауэр», огромному параллелепипеду, отделанному черным стеклом. Здание невероятно помпезное, но мне оно напоминает поставленный на попа гроб.

Особенно сейчас, когда на нем красной траурной лентой висит растяжка: «Международное бизнес-шоу “Индустрия будущего”». И ниже еще растяжки: «Выставка брендов», «Концептуальные стенды», «Нон-стоп презентации», «Креативные бизнес-квесты» и прочие заманухи.

Квесты? Это интересно. Люблю квесты. Бизнес-квест – это что? Комната страха «Призрак банкротства»? «Сбежать от кредитора»? «Найди выход из кризиса»?

Кажется, тут будет забавно.

Спотыкаясь на каблуках, подлетаю к входу. У двери скучают двое мордоворотов в черных костюмах.

– Ваш пригласительный, – требуют они хором, как братья из ларца.

– Пожалуйста, – протягиваю телефон, куда Кристина скинула электронный пригласительный.

Левый «братец» с телосложением племенного быка тупо пялится на экран, а потом придичиво осматривает меня с ног до головы, задержав взгляд на коленях.

Тут-то у меня и закрадываются первые подозрения.

Сдается, мое красное платье на этом бизнес-шоу ни к селу ни к городу. Вон, оно уже пробудило бычьи инстинкты у охранника!

Но меня пропускают и даже желают приятно провести время.

Гордой походкой захожу в фойе и попадаю в зеркально-мраморные чертоги.

Кругом все гудит от голосов. По ковровым дорожкам бродят толпы разгоряченных, надутых от сознания собственной крутости бизнесменов. Наверняка среди них затесался десяток-другой олигархов.

Густо пахнет кофе, духами и заоблачными амбициями.

Осмотревшись, окончательно убеждаюсь: да, с платьем вышла промашка.

В вечернем наряде я одна. Все мужчины в черных двойках, как инкубаторские. Женщины большей частью тоже в костюмах, а если и мелькают платья – то строгие, серые, безумно дорогие и безумно скучные.

Но я не тушуюсь. Подумаешь! Я тут гость, невовлеченный зритель, группа поддержки. И пусть я ни фига не понимаю в бизнесе, акциях и цепочках поставок, уж найду, как себя развлечь.

Сдаю пальто в гардероб, скромно пристраиваюсь в уголке и пишу сообщение: «Крис, ты где?»

Ответ приходит с задержкой: «Занята. Меня поймал клиент и пытается. Жди у буфета».

О, тут и буфет есть! Отлично. Надеюсь, бесплатный. Перекусить не откажусь – с утра крошки во рту не было. Даже испеченный для Эдика пирог я не попробовала.

Буфет – точнее, фуршет – устроен в отдельном зале. Тут все тоже дорого-богато. На потолке – круглая люстра размером с НЛО. На стенах – огромные панели, на которых крутят бизнес-ролики; в перерывах с экранов вещают дядьки с глазами акул и хомячьими щеками. Вдоль стен – длинные столы, покрытые черными бархатными дорожками. Из-под дорожек свисают складки белоснежных скатертей. Как на поминках, честное слово.

Но столы уставлены такими аппетитными вещами, что я забываю о своих претензиях к вкусу дизайнера.

Чего тут только нет! Квадратные тарелки с канapé. Закуски на шпажках. Мини-сэндвичи, брускетты, крохотные, на один укус, бургеры. Лосось, буженина, сыры, мидии! Тарталетки–котлетки–креветки!

Ох, святая диета, прости меня, отступницу...

Осторожно проталкиваясь сквозь толпу оголодавших бизнесменов, подхожу к столу. Бизнесмены не теряются: накладывают себе всего и помногу, как будто их дома не кормят.

Меня мучит жажда, поэтому первым делом добываю бокал с трехслойным напитком: розовый, голубой и лимонный слои плавно переходят друг в друга, сверху – тонкие, почти прозрачные ломтики фруктов! Выглядит сказочно.

На тарелку выкладываю тарталетку с крабами, отхожу в сторонку, закрываю глаза и нюхаю коктейль. Надо знать, что я собираюсь пить. Мало ли что туда намешали для бизнесменов.

Аромат отличный – свежий, цитрусово-клубничный.

И только примериваюсь сделать первый глоток, как меня толкают под локоть.

– Осторожнее! – охаю я. Но часть напитка уже на моем платье, часть – на полу.

– Виноват, – бросает сочный баритон. Поднимаю голову: меня ослепляет небрежная белозубая улыбка в обрамлении черной пиратской бородки и усов.

У обладателя бородки худое, как у идадьго, лицо, блестящие черные глаза и брови с выразительным изломом.

Образ мелькнул и пропал.

Через секунду я вижу его спину в синем пиджаке. Он как ни в чем не бывало подходит к столу и начинает изучать тарелки.

Вот скотина! Из-за него я испортила платье, заляпала пол, лишилась коктейля, и вместо покаянного извинения с расшаркиванием получила лишь небрежное «Виноват»!

Хуже всего: прямо передо мной на полу липкая лужа, посреди лужи – долька киви и долька апельсина. Беспорядок никто не спешит убирать, официантов поблизости нет.

У меня на платье мокрое пятно. Проходящие мимо бизнесмены и миллионеры безразлично смотрят на лужу и, с той же безразличной миной, – на меня.

А бородатый набирает себе спокойненько еду в тарелку и в ус не дует.

Хоть бы салфетку предложил, сопровождал в дамскую комнату!

Но ему плевать на меня и мою беду.

Пока ошеломленно прикидываю, куда поставить стакан и блюдо, чтобы метнуться в туалет, бородатый поворачивается и смотрит сквозь меня.

В руке у него тарелка, на ней сэндвич и гора салатных листьев.

Тут в кармане у типа звонит телефон. Грозный и тревожный саундтрек из «Пиратов Карибского моря».

Телефон надрывается, бородатый стремительно шагает вперед, копаясь во внутреннем кармане пиджака.

Лужи он не видит – смотреть под ноги ниже его достоинства.

И через миг я получаю возмездие.

Дорогой ботинок наступает на дольку киви. Долька смачно хлюпает, ботинок едет вперед.

Бородатый теряет равновесие. Пытается удержаться, но наступает на дольку апельсина и опять поскользывается.

Нелепо взмахивает руками – сэндвич с тарелки летит вверх. Бородатый наклоняется в позе фигуриста, исполняющего ласточку: правая нога – вперед, левая задрана к потолку, корпус – вниз, руки – в стороны, в правой – тарелка, в левой – телефон!

На льду, в свете прожекторов да под аплодисменты было бы зрелищно. Но вместо аплодисментов вокруг раздаются испуганные вскрики.

А бизнесмен изворачивается, как уж, меняет вектор и шлепается спиной на пол.

Телефон подлетает к моим ногам, сэндвич падает на пол, гремит тарелка.

– Оп-па! Вот так фокус! – восклицает бородатый изумленно.

Больше он к этому ничего не прибавляет, ни одного короткого, но выразительного слова.

Интеллигент, что ли?

Отдышавшись и сев, бизнесмен все же роняет досадливо:

– Да твою ж...

Но не продолжает. А зачем? И так все понятно.

Отряхивает мокрые пальцы. Через секунду, когда жидкость просачивается сквозь брюки, на его лице отражается осознание случившегося.

– Какой идиот устроил тут лужу! – чеканит он.

Подлетает испуганный официант, хочет помочь ему встать, но бородатый и сам справляется. Легко вскакивает, трогает себя рукой за спину, страдальчески морщится, озирается в поисках телефона.

Его глаза останавливаются на мне и бокале в моей руке.

– Это вы тут насвинячили? – интересуется он с убийственной вежливостью.

Я чуть не задыхаюсь от гнева.

– С вашей помощью, – отвечаю любезно. – Вы толкнули меня под локоть, вот все и произошло.

– Я толкнул?! Когда?!

Вот скотина! Он уже забыл, что натворил! Не заметил меня, в моем красном платье, несчастную и пострадавшую!

– Вы! – бросаю в худую бородатую физиономию. – Вы пролили мой напиток и сами упали в лужу. Так вам и надо.

Гневно дергаю плечами, палантин сползает и падает к ногам. Опять в лужу! Теперь и палантину кранты.

А бородатый, который секунду назад скалился на меня сердито, вдруг застывает. Его глаза сужаются, губы складываются в едва заметную усмешку. И он смотрит на меня так, будто вместе с палантином с меня свалилось платье и я стою перед ним нагишом.

– Забавная ситуация, – вдруг выдает он. Наклоняется, поднимает замолчавший телефон и мой палантин. Телефон сует в карман, а палантин набрасывает мне на плечи.

– Вы идиот? – взрываюсь я, потому что на палантине появились мерзкие розовые пятна, а с бахромы капает.

– Виноват, – спокойно повторяет бородатый и забирает палантин. – Нет, я не идиот. Люди считают меня дьявольски умным и хитрым. Вот, уже нашел решение. Хотите, отвезу вас в химчистку после мероприятия? Мне туда тоже понадобится.

Догадываюсь, что такие же пятна у него сейчас на пиджаке и на штанах.

Чувствую, как на нас смотрят и посмеиваются. Хорошо, что на телефоны никто не снимает. Сценка вышла что надо – кучу лайков бы собрала, если выложить в соцсеть.

Но бизнесмены таким не увлекаются. И на том спасибо.

К счастью, зрителей нашего с бородатым позора оказалось немного. Фуршетный зал почти опустел, все разбрелось по своим бизнесменским делам, слушать доклады, вести переговоры и играть в бизнес-квесты.

Только официанты суетятся, убирают безобразие и бормочут извинения. Чтоб им раньше появиться!

– После мероприятия! А теперь что прикажете делать? Щеголять в мокром?

– По сравнению со мной вы не так уж сильно пострадали. Подумаешь, пятно на платье. Совсем небольшое. Что вы так переживаете?

– Вот не надо обесценивать мои страдания, пожалуйста!

Все, он мне надоел. Сердито сую бокал и тарелку в руки официанту, вырываю палантин из рук бородатого и спешу в туалет – отмываться.

Чувствую себя отвратительно липкой и сырой. Но, оказавшись в ослепительно-зеркальном туалете, убеждаюсь: ущерб и правда невелик.

Щедро плескаю водой на корсаж, отчаянно тру. Платье сшито из дорогого, плотного материала, и тот оправдывает свою цену: следы от коктейля отмылись как миленькие. Но теперь у меня на груди мокрое пятно. Изогнувшись луком, подставляю грудь под сушилку и нажимаю кнопку.

Сушилка оказалась мощной, меня чуть не сдувает с места. Но через минуту нужный результат получен: теперь на платье расплывается лишь едва заметное пятно.

С палантином дела обстоят хуже, но не смертельно. По ткани разбросаны бледные золотые цветы: теперь они обзавелись розовыми пятнами, но их можно списать на прихоть дизайнера.

Бородатому наверняка пришлось хуже. Он повалился в луже спиной. Представляю, на что сейчас похож его костюм.

Ничего, новый купит. Видно, что денег у него куры не клюют.

В туалет залетает Кристина.

– Что случилось? – пищит она.

– Ерунда, коктейльный апокалипсис. Я уже отмылась.

– Пойдем скорей, там сейчас презентации начинаются, мне надо слушать, а потом представить шефу тезисы!

В зал мы заходим последними и пробираемся между заполненными рядами на свои места. Бизнесмены неохотно поджимают ноги, на пару-тройку конечностей я все же наступаю. Шпилькой. Вслед мне летит ойканье, на которое я раскаянно бормочу: «Простите! Извините!»

Представление начинается. И это, по моим меркам, очень скучное представление. Какой-то унылый цирк без коней.

На сцену выходят дядьки и тетki с пластмассовыми улыбками, за их спинами на огромном экране меняются слайды с графиками. Иногда они перемежаются картинками, на которых счастливые сотрудники с лицами идиотов держат перед собой кулаки с выставленными большими пальцами. Типа все у нас окей, мы любим нашу компанию, несите ваши денежки к нам, не пожалеете!

Выступающие пытаются держаться естественно и шутить, но в зале никто не смеется. Мне даже немножко стыдно и жалко выступающих, хочется их как-то поддержать. Поэтому в конце каждой речи исправно хлопаю в ладоши.

Одна из всего зала. На меня оборачиваются изумленные и насмешливые лица, но я упорно бью ладошкой о ладошку. И вслух поясняю:

– Какие умные вещи говорят, надо же! Доходы выросли аж на десять процентов, это же изумительно! Вы так не считаете? Нет?!

Сидящие впереди презрительно фыркают. Но молодой парень на сцене, в честь которого я хлопаю, смотрит на меня с благодарностью, и это все искупает.

Потом Кристина на меня шикнула, пришлось уgomониться. Скучно стало – хоть помирай. Открываю телефон и углубляюсь в соцсети.

Пока ведущий не объявляет следующего докладчика...

– Родион Романович Ремезов, директор и владелец компании «Юпитер»!

Меня как на пружине подбрасывает. Впиваюсь взглядом в сцену. Наконец-то я воочию увижу этого самодура и рабовладельца! Эдик, значит, в офисе весь вечер сидит, а Родион тут по сцене скачет, развлекается!

И тут на сцену выходит... тот самый бородатый и остроглазый. Которого я полчаса назад имела удовольствие наблюдать плескающимся в сладкой луже.

Он переоделся. Одежду, видимо, отжал у кого-то из obsługi, потому что на нем черные, немного коротковатые для него брюки, простая белая рубашка и пиджак-оверсайз. Владелец пиджака больше Родиона Романовича на пару размеров.

Но выглядит все вместе стильно. Потому что Ремезов умеет держаться. Ему хоть ватник с трикошками надень, все равно будет видно – большой босс, хозяин жизни. Дело в осанке, в развороте плеч, в посадке головы и, главное, во взгляде. Уверенном настолько, что Наполеон бы обзавидовался.

– Это Ремезов? – изумленно говорю вслух.

– Ага, – безмятежно подтверждает Кристина. – Твой Эдик у него же работает, да? Прикольный мужик! Я его как-то встречала на выставке, когда шефа сопровождала. Они болтали, и Ремезов спросил у меня, понравился ли мне его агрегат. Ничего так агрегат, большой.

– Какой еще агрегат? – спрашиваю с подозрением.

– Для утрамбовки. Они же технику строительную делают и продают, ты что, не знала?

– А, ну да... знала, конечно...

Смотрю на сцену.

Ну надо же, как бывает! Это Ремезов! Три Рэ! Так вот ты какой, Эдилов шеф!

Я никогда его раньше не видела. На корпоративных фотках он отсутствует, в интернете мне его физиономия не попадалась. Я представляла себе Ремезова толстым, лысым, визгливым, как базарная баба.

А он вон какой! На испанца похож. На конкистадора или корсара. Или инквизитора...

Ремезов улыбается, и в зале как будто становится светлее. Улыбка профессиональная, он знает, что она – мощное оружие.

Начинает говорить, и я убеждаюсь: Ремезов не лишен харизмы. Да чего там: он лупит своей харизмой по залу, как из огнемета!

Голос у него приятный, звучный, вибрирующий. Он завораживает. И говорит Ремезов умело, интонациями играет так, что заслушаешься.

Но я не поддаюсь магии. Во-первых, потому что ничегошеньки не понимаю из его выкладок. Какие-то цифры, термины, бла-бла-бла...

Во-вторых, для меня он не потенциальный бизнес-партнер, а злобный самодур, который мучает Эдика. И который лишил меня коктейля и заставил участвовать в позорной сцене.

Однако я все еще испытываю ступор от диссонанса между представлением и реальностью.

Ох, какой непростой тип, этот Ремезов! При таких внешних и вокальных данных – и такие замашки, и такие садистские заскоки!

Ремезов завершает доклад заковыристой цитатой китайского философа, эффектно щелкает кнопкой на пульте, гася экран, и зал разражается аплодисментами. Вот это да! Ему хлопают, причем искренне! Ну и фокусник.

Теперь одна я сижу, твердо прижав руки к коленям.

Вот еще, хлопать ему! Обойдется.

Ремезов выступал последним. Свет загорается, публика тянется на выход. Начинается вторая часть вечеринки... то есть бизнес-шоу. Теперь все разбредутся по стендам и залам, будут общаться, налаживать контакты, хвастаться.

– Танечка, мне сейчас нужно с потенциальным партнером говорить, – дрожащим голосом сообщает Криса. – Побудешь со мной? Я его боюсь. Он бывший военный, орет так, что хочется тут же дезертировать.

– А что я буду во время вашего разговора делать? Вы же будете разные секреты фирмы обсуждать!

– Да какие там секреты... просто постой рядом. Там стенд нашей фирмы, я должна все рассказывать. Ты только улыбайся и кивай, и все.

– Кивать я умею.

Мы пробираемся сквозь толпу, Кристину от меня отесняют, и я теряю ее среди спин, затянутых в пиджаки.

Где-то далеко мелькает ее черная макушка, я рвусь вперед, но тут меня крепко хватают за локоть и зловеще рычат в ухо:

– Ага! Попалась!

Ремезов!

– Простите, – пытаюсь вежливо вырваться, но его пальцы крепко стискивают мою руку. Сильный какой, сдюга!

– Вижу, вы привели себя в порядок, – его черные глаза скользят по моей груди и задерживаются там чуть дольше, чем полагается. – Искупались, постирались.

– Да и вы тоже гардероб сменить успели.

– Мне неуютно в этом наряде, – он брезгливо дергает плечами. – Никогда в жизни не носил чужой одежды.

– Ну вот, вы получили новый опыт! – говорю жизнерадостно, прикидывая, как бы смыться. – Правда, здорово? В каждой неприятной ситуации можно найти что-то позитивное.

Ремезов рассматривает меня долгим взглядом, а потом спрашивает:

– Хотите есть? Вы сбежали, так и не укусив свою тарталетку. Я тоже лишился сэндвича. Его выбросили в мусорное ведро. Улизнем в фуршетный зал?

– А вам разве не надо... это... на стенд? К клиентам? Забалтывать им зубы, заключать сделки?

– Нет, там стоит специально обученный сотрудник, главный менеджер по забалтыванию зубов и навешиванию лапши на уши. А вы чья будете?

– В смысле?!

– Ну, какую компанию представляете?

– Никакую. Я тут сама по себе. С подругой. Она работает в «Антаресе». Простите, мне к ней нужно...

– Я вас провожу.

Он сжимает пальцы еще крепче и тащит меня вперед, я даже пикнуть не успеваю.

3

Он уверенно ведет меня сквозь толпу.

– Вот и стенд «Антареса». А там ваша подруга? Вижу, переговоры у нее в разгаре.

Крися стоит, вытянувшись в струнку, руки по швам, глаза стеклянные, и слушает мощного лысого мужика с бульдожьей челюстью. Мужик что-то ей грозно внушает, Крися покорно кивает. Время от времени пытается подсунуть мужику пачку каталогов, но тот отмахивается. Крися хочет вставить хоть слово в его речь, но какое там! У Криси на лице отчаяние.

Как бы вмешаться и спасти ее? Подкрасться сзади и показать лысому язык? Тот онемев от удивления, а Крися – раз! – и выдаст ему выгодное предложение.

Нет, с такими типами шутки плохи. Кроме того, подойти к ней нет возможности: Ремезов меня так и не отпускает.

Разворачивает к себе и спрашивает:

– А почему вы мне не хлопали?

– Что? Когда?

– Когда я выступал. Вы всем хлопали, а мне нет. Все еще дуетесь за коктейль и платок?

– Вы меня заметили в зале?

– Конечно. Как вас не заметить? Вы в своем красном платье торчали, как роза на пожарище. Так что же, вам не понравился мой доклад? Между прочим, я готовил его всю ночь. Подбирал меткие фразы, сжег в камине кучу черновиков. А вы не захотели меня поддержать. А остальных поддерживали!

– Ммм... у вас был... отличный доклад. Я слушала его, затаив дыхание, и забыла хлопать. Мне показалось, что вам была не нужна поддержка. Вы не стеснялись. Вы выступали как... сильный и уверенный в себе бизнесмен.

– На самом деле я трясся как осиновый лист.

– Да вы шутите!

– Шучу. Но уверенным людям тоже нужна поддержка. Внутри каждого уверенного в себе бизнесмена прячется испуганный мальчик, который не понимает, почему он занимается поставками и закупками, вместо того чтобы покорять космос, как мечтал в детстве.

– Вы мечтали стать космонавтом?!

– Нет. Я мечтал стать археологом. Но суть вы поняли, да? Нам нужно, чтобы нас хвалили. Иначе к чему быть уверенным и сильным?

– А жена вас не хвалит?

– Я не женат. Есть невеста. Тоже уверенная и сильная. Но это другое. Сильные женщины – это сильные женщины, безо всякого подтекста. Они лишены сожалений и розовых фантазий. Скачущие кони, горящие избы... Им и так хватает в жизни подвига и романтики.

– Чувшь! В каждой сильной женщине сидит девочка, которая ждет принца! Который о ней позаботится!

– Вы сильная женщина?

– Нет.

– Откуда тогда вы знаете?

– Слушайте, вы мне совсем голову заморочили, Родион Романович...

– Какая несправедливость! Вы знаете, как меня зовут. А я вашего имени не знаю.

– Таня.

– Очень приятно.

И тут он галантно берет мою руку и целует, щекоча пальцы бородкой.

От смущения у меня подкашиваются ноги. Дело в том, что никто и никогда не целовал мне руку.

Оказывается, это очень интимное действие. Или же Ремезов нарочно постарался. Потому что он не просто дежурно чмокнул воздух. Он приложился к руке горячими губами, выбрав чувствительное место у основания пальцев между косточками. И задержал там губы на секунду-две.

Щетина его бородки кольнула пальцы; до чего волнующий контраст в ощущениях! Мягкость губ и жесткое прикосновение щетины.

А Ремезов при этом еще и в глаза мне смотрел, пронзительно так, тягуче.

У меня по спине пробежали мурашки. Я едва не вырвала руку и не умчалась с криком. Ремезов вводит меня в ступор. Вызывает острое ощущение опасности.

Наконец Ремезов отпускает мою руку, но глаз не отводит.

Чтобы прервать тревожный зрительный контакт, поворачиваюсь к Кристине.

Дела у нее совсем плохи. Она моргает, как кукла, лицо несчастное – вот-вот заплачет. Ее собеседник талдычит что-то язвительное, напористо высказывает претензии.

– Борис Ефимович, какая встреча! – Ремезов упруго шагает к лысому. – Какими судьбами? Чем вы так взволнованы?

Я тоже подхожу.

– Здорово, Ремезов! – ворчливо отзывается лысый Борис. – Да вот, пытаюсь у этой... – Он презрительно кивает на Кристину, – условия уточнить, а она ни бе ни ме. В прошлый раз их шарашкина контора меня здорово подставила, такое дерьмо некачественное привезла, на сортирную плитку пускать и то жалко. И опять этот материал пихают! Видите? – Он тычет рукой на стенды с образцами. – А эта... – Кивок на Кристину. – Только и мычит: «Решать этот вопрос не в моей компетенции!» К руководству посылает. Блин, наберут на работу кого попало, соплячек всяких!

У Кристины дрожит губа. А я мигом взрываюсь.

– Ну так смотреть надо, что покупаете, – говорю елеинно-ядовитым голосом. – Вас под дулом пистолета заставляли некачественный товар принимать? Кристина Валерьевна – уважаемый специалист в своей области. Она послала вас к руководству, а надо бы ей вас послать...

Договорить не успеваю: Ремезов отвечает мне короткий, сильный тычок по спине. От изумления лишаюсь дара речи, и тут он вступает:

– Борис Ефимович, голубчик, что ж вы так горячитесь! Не стоит. Вы же давно в бизнесе. Уж хорошо знаете: не обманешь – не продашь. Всяк за свой кусок радуется. А девушка и правда ни при чем. Видите, как старается! Каталоги предлагает. Вы ее шефу позвоните да и уладите все. Он мужик адекватный, я его знаю. Скажите ему, что от Ремезова... Борис Ефимович, а вы у нашего стенда были? Нет? Сходите, голубчик, гляньте! У нас там много нового. Я потом к вам подойду, за рюмочкой побеседуем. Расскажите, как на охоту по осени ездили. Наслышан, наслышан о ваших подвигах! – Ремезов бархатисто смеется, зверский оскал Бориса пропадает, складка между бровей разглаживается.

Ремезов барским жестом подзывает белобрысого юношу от соседней экспозиции. У юноши бейджик: «Юпитер».

– Ну-ка, Ванюшка, поговори-ка с Борисом Ефимовичем... покажи товар лицом. Давай, работай.

Ванюшка начинает бойко тарыхтеть и ловко ведет Бориса прочь.

– Вы каталог-то «Антареса» тоже прихватите! Изучите на досуге. У них есть неплохие позиции.

Ремезов хватает со стойки каталог и сует Борису. Тот берет его, как загипнотизированный, и уходит не пикнув.

Кристина выдыхает с облегчением.

– Спасибо, Родион Романович, – лепечет она.

– Не за что, – бросает он. Его голос, минуту назад обволакивающий и вкрадчивый, становится стальным. – В следующий раз, прежде чем идти на мероприятие, хорошо подготовьтесь, чтобы не подводить компанию. Я бы своего сотрудника за такое поведение по головке не погладил.

Кристина всхлипывает, Ремезов смягчается.

– Вот что, Кристина, выпейте кофе, успокойтесь. Мы с Татьяной тут постоим, покараулим ваши каталоги. Идите-идите. И чтобы вернулись веселой и боевой.

Кристина не смеет возразить.

– Таня, пойдем... – зовет меня.

– Нет. Таня останется со мной. Мне одному скучно.

Кристина покорно уходит.

Ремезов хмурится и поворачивается ко мне.

– Вы чего деретесь? – спрашиваю ошеломленно. – У вас рука тяжелая. Вы мне чуть хребет не перебили.

– Потому что вы собирались послать партнера «Антареса» в дальнее пешее. Надо было вас остановить. У вас язык вперед головы бежит.

– Он хам и сам напросился! Кристина робкая. Я просто пыталась ее защитить. А вы грубиян! Женщин бить любите?

– Защитница из вас так себе. Ладно, не обижайтесь! Садитесь. Будем нести дозор, пока ваша Кристина надувается кофе.

Он усаживается на диванчик и приглашающе хлопает рукой по подушке.

– Садитесь! Больше бить не буду. Честное бизнесменское.

Вот и прорезались в голосе начальственные нотки. Теперь понятно, почему по его слову сотрудники готовы и частушки петь, и прыгать, как собачки. Потому что я тоже выполняю его приказ. Ремезову невозможно противиться.

Пристраиваюсь на диван – на приличном расстоянии от Ремезова – и заявляю:

– Кстати, вы сделали неправильный вывод. Я вовсе не собиралась посылать Бориса Ефимовича... куда подальше. Зря вы так обо мне подумали. Я редко грублю старшим. Если бы вы меня не стукнули, я бы закончила предложение совсем иначе.

– И куда бы его послали? На луг ромашки собирать?

– Не куда, а к кому. К менеджеру по закупкам. А еще я бы тактично послала его изучить условия договора. Я умею быть дипломатичной.

– Да ну? – изумляется Ремезов и придвигается ближе. Я скольжу дальше по дивану. – И что это за дипломатия у вас такая? Руби сплеча своих и чужих?

– Опять неправы, Родион Романович. Вы меня совсем не знаете. Зачем ярлыки клеите?

– Должность у меня такая – ярлыки клеить. Так людей проще сортировать на годных и негодных.

– Надо полагать, я по вашей классификации – негодная...

– Ага! Упрекаете меня в необоснованных заключениях и тут же сами пускаетесь в домыслы. Ладно. Начнем заново. Рассказывайте.

– Что рассказывать?

– Все. Где служите, чем занимаетесь, что любите, что не любите. Что едите на завтрак, сколько сахара кладете в кофе, где гуляете, какие передачи смотрите перед сном. О чем мечтаете, чего боитесь.

– Зачем вам это, Родион Романович?

– Захотелось. У меня полно причуд. Считайте, что на этот вечер вы – моя причуда. Вы мне должны. Посадили меня в лужу, теперь заглаживайте свою вину. Развлекайте меня.

– Да, наслышана о ваших причудах...

– От кого?

– От... одного знакомого. Он у вас в компании работает.

У меня мелькает занятная мысль. Вспомнились бабушкины наставления...

Судьба как нарочно свела меня с Ремезовым! Это ли не знак? Он, кажется, ко мне расположен. Может, даже флиртует. На свой самодурский лад.

Что, если и правда наладить с ним контакт? И поспособствовать Эдикову продвижению по службе... Вот как все просто оказывается!

...Нет, просто не оказалось. Потому что Ремезов уцепился за мои последние слова, как пес за косточку.

– Как фамилия знакомого? В каком отделе работает? Что еще он обо мне говорит? О моих так называемых причудах?

Я теряюсь от его напора. Ой, тут надо осторожно. Как бы не навредить Эдику! Придется показать свои дипломатические качества. Ну и женское обаяние включить.

– Неважно, кто он, – улыбаюсь очаровательно. – А говорит он о вас только хорошее. Вы эффективный и справедливый руководитель. С фантазией. Ваши методы управления... очень оригинальные.

– Какие именно?

Ох, ему бы в гестапо работать! У него шпионы раскалывались бы как орешки.

– Ну... например... пение частушек для укрепления командного духа.

– Частушек? – Ремезов на миг как будто оторопел. Вздергивает густые брови, хмыкает.

– А, ну да... Было дело. И какие же частушки вам запомнились? Ну-ка напойте...

– Да я не помню уже... – пугаюсь я. – Забавные такие частушки, задорные! На рабочий лад настраивают.

– Мимо кабинета шефа я спокойно не пройду? – гадает Ремезов. – Или: по реке плывет доклад из отдела кадров...

Он веселится от души. Глаза сверкают, лицо загадочное, даже игривое.

– Рад, что вам понравилось наше творчество. Что еще вам доложили о моих методах работы?

– Наказывать сотрудников занятиями в спортзале – тоже отличная идея.

– О да, я ей особенно горжусь! Коли ума мои гаврики не наберутся, так хоть мышцы нарастят. Да и за зал уплачено было, что ему простаивать зря!

– Это рачительный подход.

Ремезов довольно кивает, закидывает ногу на ногу, а руку опускает на спинку дивана. Его ладонь ложится аккуратно за моей шеей. Я даже чувствую ее тепло.

Кажется, я польстила уместно. Умаслила. Ишь как довольно лыбится...

Пора осторожноенько переходить к главному.

– Вы заставляете сотрудников выкладываться на все сто.

– И это непросто, заметьте.

– У вас получается! Ваши сотрудники днюют и ночуют на работе. У них даже времени на личную жизнь не остается.

– А зачем им личная жизнь? Чтобы они тратили ее на всякую ерунду?

– Что вы называете ерундой? Время, проведенное с семьей?

– Ага! – радуется Ремезов. – Вот теперь понятно. Вот вы к чему ведете! Ваш знакомый жаловался. Ябедничал. Наверняка называл меня сатрапом, который заставляет его вкалывать, как египетского раба. А ваш знакомый упомянул, что ему за это хорошо платят? Я никого цепями в офисе не приковываю. Кто хочет – тот работает. Кто не хочет – встает и уходит. Навсегда.

Проницательности Ремезову не занимать. Сразу вскрыл все мои планы и порушил мою тактику.

– Но у них же семьи есть... Личная жизнь! Они отказываются от нее ради повышения, ради премии.

– Это их выбор. Так как, говорите, фамилия вашего знакомого? Который встал перед этим непростым выбором?

Мотаю головой отрицательно.

– А у вас разве нет личной жизни? Вот ваша невеста... Вы с ней много времени проводите?

– Два часа в неделю.

– Всего?! И она не возражает?

– А чего ей возражать? Мы проводим это время продуктивно.

– Но... а чем вы занимаетесь на досуге, Родион Романович? Какие у вас увлечения?

– Увлечения бывают в детстве. Когда нечем заняться и есть потребность в играх. А мне уже тридцать пять. Я хожу в спортзал, зимой иногда катаюсь на лыжах. Все как полагается.

– Но должно быть то, что дает жизни смысл! Не верю, что для вас это переговоры с заказчиками и выполнение плана поставок... Разве они зажигают в вас огонь вдохновения? Подстегивают фантазию? Заставляют сердце биться чаще? Совершать глупости? Открывать новое? Не спать ночами от восторга?

Я так увлеклась, что сказала больше, чем хотела. Села на любимого конька и понеслась!

Господи, зачем я ему это все выкладываю? Разве ему интересно?

А ему интересно, еще как!

Он повернулся, чтобы лучше видеть мое лицо, и слушает внимательно, хищно прищурив глаза.

– Слыхали, что бизнес и политика – это игры для взрослых? В них мы получаем все, что мы описали.

– Но не вы. Я помню, что вы сказали о мальчике, который мечтал покорять космос. А ваши причуды и частушки с сотрудниками показывают, что вам... скучно!

И тут Ремезов расхохотался. Громко, заразительно, хлопая себя по коленям.

– Какая вы ловкая особа! Хотел больше узнать о вас, а вместо этого вы меня допрашиваете. В душу лезете, за большое кусаете! Да еще так нахально. С вами интересно общаться, Таня. Никогда не угадаешь, что вы выкинете. Спасибо, Танюша, порадовали старого скучного бизнесмена.

– Может, вам и скучно, но сами вы вовсе не скучный и не старый, – ловко вворачиваю лесть.

Ремезов замолкает и вновь сверлит меня глазами.

Взгляд у него острый, как испанский кинжал. Когда Ремезов смотрит на меня, в груди словно плюется искрами плохо законченный электрический провод. По нервам бегут острые импульсы, щекочит позвоночник, ускоряют биение сердца.

Какая опасная, магнетическая личность!

Пора от него бежать, пока дров не наломала.

А магнетический Ремезов заявляет:

– Я все-таки голоден. Вы как хотите, а я за кофе. Вам тоже принесу. Сидите.

С этими словами он срывается с места и уходит, а я получаю возможность отдышаться.

Фух! Десять минут с ним пообщалась, и уже сыта по горло. Представляю, как тяжело с Ремезовым целый день в офисе! Бедный Эдик. Хотя он бета-самец, наверное, иначе это воспринимает. Радостно служит вожаку стаи.

Эх, ничем я Эдику помочь не смогла. Нет у меня бабушкиной хватки. Ремезова мне не переиграть и под свою дудочку плясать не заставить.

Хватаю буклеты и начинаю яростно обмахиваться. Ремезов меня в жар вогнал своими подколками и взглядами. Не человек, а огненный вихрь.

И перемещается со скоростью торнадо. Потому что вот и он – шагает с двумя стаканчиками в руках. Позади него – разнесчастная Крися. Наверное, мало кофе выпила.

– Капучино с одним пакетиком сахара и корицей, как вы любите, – объявляет Ремезов и вручает мне стакан.

– Откуда узнали?

– Ваша подруга любезно подсказала.

Кристина еще больше сникает, словно жалея о своей любезности. На Ремезова поглядывает со страхом.

Да что он ей наговорил у буфета? Он что, под пытками у нее выводывал мои предпочтения? Колотил ее по спине, как меня давеча?

– Хотел еще добыть вам бутербродов, но потерпел неудачу, – докладывает Ремезов. – Остался только засохший сыр. Я им пренебрег. Он выглядел неаппетитно.

– Спасибо, кофе достаточно.

Ремезов заплوم выпивает свой кофе – черный, как деготь, наверняка эспрессо тройной крепости. Им, альфа-самцам и большим боссам, другой пить не полагается. И не дай бог испортить его каплей молока или крошкой коричневого сахара – вся стая будет выть и смеяться: «Слабак! Сладкоежка!»

Ремезов сминает пустой стаканчик и сильным броском отправляет в урну. А она в трех метрах от нас стоит. Но Вождь Меткая Рука не промахнулся.

Оглядывает зорким глазом редющую толпу в зале и заявляет:

– Здесь становится скучно. Идемте, Татьяна.

– Куда?!

– В ресторан.

Молча таращу на него глаза. Вот это поворот!

– Уже поздно, время ужина. И мы не закончили наш разговор. Продолжим его в другом месте.

– Вы меня приглашаете в ресторан? – уточняю, но вопрос прозвучал как-то кокетливо, меня даже передернуло. Потому что я собираюсь наотрез отказаться.

Но Ремезов и тут меня обыгрывает.

– Нет. Не приглашаю. Если я вас приглашу, вы откажетесь, по глазам вижу. Поэтому смоделируем ситуацию иначе. – Он щелкает пальцами, задумывается и изрекает:

– Вы голодны. Я чертовски голоден. У нас был сложный вечер. Нам обоим нужна еда и приятная обстановка, чтобы восстановить душевное равновесие. Поэтому мы идем в ближайший ресторан. Идем вместе потому, что мне нужно кое-что у вас узнать, а вам нужно кое-что от меня получить. Сугубо деловое, но приятное времяпровождение. Такая формулировка устроит?

Забалтывая зубы, он подхватывает меня под локоть и поднимает с дивана. Да так ловко и учтиво, что я даже опомниться не успеваю. Это самое натуральное похищение!

– Таня! Ты же обещала со мной побыть! Помочь! Я одна не справлюсь! – подстреленной птахой стонет Кристина.

Ремезов разворачивается на каблуках.

– Почему вашу работу за вас должна делать подруга? – спрашивает он строго, и Кристина испуганно зажимает рот рукой. – Придется поставить вашего шефа в известность о вашей некомпетенции.

– Пожалуйста, не надо... – лепечет Кристина.

– Не буду. Если Татьяна пойдет со мной.

– Ничего себе шантаж! – говорю я, а самой смешно. Да что он о себе воображает!

– Не переживайте, Кристина, – смягчается Ремезов и отечески похлопывает ее по плечу. – Оставляю вас на своего сотрудника. Ванюша! Иван Юрьевич! Бегом сюда.

– Да, Родион Романович? – подлетает Ванюша. Все как полагается: отглаженная белоснежная рубашка, галстук, глаза горят, вид лихой и придурковатый, дрожит от нетерпения угодить.

– Поможешь девушке. Будешь ей моральной опорой. Понял?

– Понял! – Ванюша кивает залитой гелем белобрысой головой и обольстительно улыбается Кристине.

Крися смотрит на него заинтересованно. Такой помощник ей нравится. Она машет мне рукой: ладно, свободна!

– Ну вот и славно. Идемте, Татьяна!

– Извините, нет, – решаю заартачиться. Ненавижу, когда на меня давят и загоняют в угол!

Ремезов наклоняется к самому моему уху, обдав волной смоляного одеколона, и говорит негромким бархатным баритоном:

– Пожалуйста, не отказывайтесь. Мы обсудим с вами карьерные перспективы Эдуарда Алексеевича.

Что? Как? Он собрался говорить про Эдика?!

– Но откуда вы?..

– Элементарно, Ватсон! Ваш таинственный знакомый, который докладывает вам о моих методах работы, – ваш бойфренд Эдик, Эдуард Алексеевич, молодой специалист из отдела координации. Который метит на место заведующего. Меня ваша подруга просветила. Я спросил, пока кофе покупал, она ответила. Вот и весь фокус.

– Родион Романович, это низко, – говорю с достоинством.

– Зато эффективно. Ну, теперь пойдете сомной в ресторан? Это в ваших интересах. У меня есть к вам предложение. Ничего непристойного. За колени щипать не буду, в гостиничный номер не позову. Я джентльмен, хоть это и не сразу заметно. Через час отпущу вас целой и невредимой. Поедете к своему Эдику с хорошими новостями.

Он поймал меня в ловушку.

И вот вроде я получила, что хотела, – возможность последовать бабушкиному совету, замолвить словечко за жениха, – но что-то тут не то. Нутром чую, что Ремезов планирует как-то меня использовать. Пахнет опасностью.

– Вкусный ужин и беседа, ничего больше, – успокаивает Ремезов, увлекая к гардеробу. – Если у вас принципы, можете заплатить за себя сами. Я вам этого, разумеется, не позволю, но разрешаю немного повозражать, чтобы успокоить совесть.

Все это он произносит юмористическим тоном, с мягкой, но зловещей улыбкой.

Вот как его понимать? Что он задумал?

Во мне просыпается любопытство.

– Хорошо. Давайте перекусим в ресторане, – говорю строгим голосом, чтобы он ничего такого не подумал. – Мне тоже нужно с вами поговорить.

В гардеробе Ремезов отбирает у меня номерок, добывает мое пальто и помогает мне одеться.

Терпеливо ждет, пока я расправлю палантин, а потом ловко, снизу, скользящим движением накидывает пальто мне на плечи так, что мои руки сразу попадают в рукава.

Что стало приятным сюрпризом.

Эдик не умеет правильно подать пальто. Он задирает его слишком высоко, мне приходится вставать на цыпочки и выворачивать плечи, как на дыбе. А еще Эдик постоянно роняет то шарф, то перчатки и подбирает их с пола, кряхтя и страдая.

Ремезов весь ритуал проделывает с почтением, как будто королеве прислуживает. Еще и воротник аккуратно оглаживает и поправляет.

И только потом одевается сам. Интимным жестом кладет мою руку себе на сгиб локтя и приказывает:

– Вперед! Дойдем пешком, тут недалеко.

И правда недалеко. Ресторан прячется в соседнем дворе, в подвале старинного здания.

Судя по бронзовой вывеске и элегантному фонарю у входа – местечко для избранных. У двери торчит грозный швейцар в форме, напоминающей эсэсовскую, и его вид недвусмысленно намекает, что кого попало в ресторан не пустят.

Проходя сквозь помпезные двери черного стекла, рою и спотыкаюсь. Ремезов успокаивает:

– Расслабьтесь. Это милое и уютное местечко с домашней обстановкой.

Попадаю в фойе и озираюсь. Ну да, с домашней обстановкой. Вот только дома у меня не водятся хрустальных люстр, бархатных штор и вычурной лепнины.

Ремезова тут знают и любят. К нам спешит менеджер с медовой улыбкой и проводит за столик. Бережно выкладывает кожаные меню, выставляет на стол графин с водой.

В меню рядом с названиями блюд куда-то подевались цены. Наверное, хозяева ресторана любят удивлять клиентов в момент выставления счета.

Поскольку я все же твердо намерена заплатить за себя, выбираю самое скромное блюдо. Надеюсь, мне не придется продавать почку, чтобы за него рассчитаться.

Ремезов же, даже не глянув в меню, бросает официанту:

– Лосось терияки и рукколу.

Тот почтительно склоняет голову.

У здешних официантов повадки психотерапевтов. Они говорят вкрадчиво, понимаяще улыбаются и не осуждают тебя за твой жизненный выбор, даже если вместо севице из тунца и бокала кьянти ты попросишь винегрет и чекушку.

– Яблочный фреш и круассан с брынзой, – бормочу я, прикидывая, сколько у меня осталось денег на карте.

– Мало заказали, – замечает Ремезов. – Ваш растущий организм недополучит калорий.

– Считать чужие калории невежливо.

– Виноват, опростоволосился. – Он просит официанта: – Принесите для девушки филе дорадо и безе с черносливом на десерт. И коктейль.

– Какой изволите?

– Хм... – Ремезов трет лоб, припоминая. – Названия не знаю, поэтому опишу, а вы угадайте. Слой синий, слой лимонный, сверху фрукты. Киви и апельсин. Очень сладкий и очень липкий, плохо отмывается с одежды.

– Я передам бармену, – невозмутимо кивает официант и ускользает балетной походкой.

– Зачем вы сделали за меня заказ? Я не просила и ничего этого не буду, – говорю строгим голосом.

– Вы хотели коктейль, а я вышиб его у вас из рук. Возмещаю утрату. Вам надо хорошенько поесть. Когда девушка сыта, у нее развязывается язык. А я вас позвал сюда именно за этим – чтобы вы разговаривали и развлекали меня.

Оказавшись в ресторане, Ремезов переменился. На бизнес-выставке он предстал эдаким надменным гусаром-балагуром. А сейчас посерьезнел, собрался. Бархат из голоса исчез, появились жесткие нотки. Лицо сосредоточенное, как будто Ремезов рассчитывает в уме процентную ставку. И взгляд мрачно-демонический.

Заказ приносят моментально. Наверное, повар держит на кухне скатерть-самобранку.

Молча едим. Чувствую себя скованно. Накалываю кусочки рыбы на вилку и долго рассматриваю – лишь бы не глядеть на Ремезова. Жду, когда он приступит к разговору, и не знаю, чего от него ожидать. От напряжения у меня даже пресс болит.

Кормят тут, между прочим, вкусно. Хотя зря я ем заказанное Ремезовым блюдо. Теперь уже точно не получится настаивать на отдельном счете. Да и ладно. Он потребовал, чтобы я пошла с ним в ресторан. Значит, пусть платит. Это по правилам.

Коктейль мне принесли именно тот, что я так и не попробовала на бизнес-презентации! Безалкогольный, ароматный, свежий. Магия, да и только.

Постепенно обретаю почву под ногами.

Наевшись, Ремезов добреет. Устраивает в ладони низкий пузатый бокал, на дне которого плещется что-то темно-вишневое, откидывается на спинку и изучает меня немигающими черными глазами из-под насупленных бровей.

– Ну-с, приступим, – объявляет он тоном инквизитора. – Задавать вопросы буду я, вы отвечаете, меня с толку не сбиваете. Договорились?

Пожимаю плечами.

– Чем вы занимаетесь, Татьяна? Кто вы вообще?

Вот так вопрос! Кто я вообще? Да это самый сложный вопрос на свете!

Докладываю как на собеседовании. Ух, как я не люблю такие допросы.

– Татьяна Павловна Берестова. Двадцать шесть лет, не замужем. Пока. Выучилась на специалиста в области межкультурной коммуникации, но по специальности не работаю.

– И где служите?

– Нигде не служу. В офис не хожу, беру заказы из интернета. Мне так нравится.

– Почему?

– Потому что я не командный игрок. Я – вольная птица, в офисной клетке сидеть не могу, чирикать под указку начальства тоже, – заканчиваю дерзко.

– Хм... – удивляется Ремезов. – И никогда не пробовали? Может, вам бы понравилось. Большинство людей обожают клетки и начальников. Самому по себе в мире страшно и неуютно. Своей головой приходится думать, да и обвинить некого, коли облажаешься. Деньги, опять же, платят.

– Может, и проще. Но мне так не нравится. Не в деньгах счастье. На жизнь мне хватает.

– А какая у вас цель в жизни?

– Никакой! – объявляю с удовольствием. – И это мой принцип. Только существуя без цели, ты лучше узнаешь жизнь и наслаждаешься ее красотой. Я делаю все, что мне захочется, все, что взбредет в голову.

У Ремезова шокированный, но заинтересованный вид. Он морщит лоб, усмехается, отпивает из бокала. Задумывается.

– Вы хиппи? Философ? Или просто безответственная лентяйка?

– Нет, нет и нет.

– Ну и как, получается наслаждаться жизнью?

– Вполне!

– Эдуард разделяет ваши принципы? Он исполнительный, трудолюбивый юноша.

– Противоположности притягиваются. Партнерам вовсе не обязательно разделять принципы друг друга.

– С этим можно поспорить.

– Не надо спорить. У вас своя правда, у меня своя. Поверьте, я уважаю чужие стремления. Глубоко восхищаюсь тем, что вы делаете. Вы построили успешную компанию. Вы даете рабочие места. Вы твердо идете к намеченной цели.

Это я сообразила, что надо бы к нему подольститься, так как разговор плавно сворачивает к Эдику.

– Вы великий человек, Родион Романович! – заканчиваю по наитию, вспомнив портреты Ремезова в наряде Наполеона на стенах офиса.

Ничего, лестью эго не испортишь.

4

Ремезов поперхнулся коньяком. Долго кашляет в салфетку.

– Попейте! – подвигаю ему стакан с водой. – Постучать вас по спине?

Он отрицательно мотает головой, глубоко дышит и, обретя голос, заявляет:

– Великий человек, говорите? Польщен вашей оценкой.

Показалось, что он смеется надо мной. Хотя лицо его серьезно. Но в глазах черти прыгают.

Точно – смеется.

– Мне сложно, но хочется вас понять. Как это: жить в свое удовольствие? Делать то, что вздумается? Так взрослым не положено. Нельзя.

– Очень даже можно. У меня куча хобби. Хочу попробовать все на свете. Мне не бывает скучно.

– А как жить без цели? Это вообще нонсенс. Вы разве инфузория-туфелька, чтобы жить без цели?

– Да у меня целая куча целей! Просто нет глобальной. Ну, типа, получить Нобелевскую премию или купить однушку в ипотеку. Это же уныло – отдавать себя чему-то одному. А мои маленькие цели как блески. Сверкают, рассыпаны повсюду! Их очень легко достичь.

– Например?

– Ну... Купить сандалии со стразами. Забраться на крышу самого высокого здания в городе. Покормить тигра с руки. Выступить с песней в подземном переходе. Добраться электричками от Владивостока до Сан-Марино.

– О боже... Как вы дожили до ваших лет здоровой и без судимостей – с такими-то планами? Впрочем, что-то в этом есть. Вы подкинули мне богатую пищу для размышлений.

– Кушайте на здоровье, Родион Романович.

«И не подавитесь», добавляю мысленно. Но он умеет читать мысли.

– Дерзите, Татьяна, – говорит строго.

– Простите. У меня манера разговаривать такая. Я не хотела вас обидеть. Вы меня одергивайте, если что. Вам можно.

– Потому что я начальник вашего Эдика? И вы боитесь, что я на нем отыграюсь?

– Вы выше этого! Вы же джентльмен, сами сказали.

Он усмехается и качает головой. А я и правда не понимаю, чего это меня понесло в словесную перепалку. Надо быть собранной и учтивой, а я как будто постоянно проверяю с Ремезовым границу дозволенного.

– Все же мне кажется, что Эдуард не одобряет вашего образа жизни.

– Ничего подобного. Он меня поддерживает, и я его во всем поддерживаю. Мы дополняем друг друга.

– Но вам же хочется, чтобы он вместе с вами чудил и куролесил? Разделял ваши безумные увлечения?

– Для него работа на первом месте. Я его не ревную к работе.

– Да вы золото, а не девушка. Другие бы истерили. Допрашивали, где он пропадает допоздна, почему не уделяет вам внимания. Подозревали бы во всяком. С кем он там на работе засиживается, точно ли поглощен отчетами или какой-нибудь профурсеткой...

– Эдуард не такой, что вы! Конечно, порой мне грустно, что его рядом нет. Вот мы сейчас с вами сидим в ресторане, вкусные блюда едим, а он в офисе, беседует с вашим новым клиентом.

– Ишь, какой молодец! – оживляется Ремезов. – Ну да, новый клиент – это важно. Значит, я причина вашего огорчения? Раз заставил Эдуарда работать и в офисе запер?

– Ну да... То есть нет. Я понимаю... Надо – значит надо.

– Правильно понимаете.

От нашей дуэли у меня голова кругом идет. Ремезов ни одного слова не скажет просто, все с каким-то смыслом, с подвохом. Поди пойми его. Глаза у него то искрятся озорством, то становятся непроницаемыми, то вспыхивает в них насмешка.

– Родион Романович... можно, я вас попрошу кое о чем?

– Валяйте. Я сегодня добрый. Наверное, одежда с чужого плеча на меня так действует.

– Отпустите Эдика в субботу? Один раз! Он потом отработает.

– В субботу? Эдуард работает в субботу?

– Да, у вас проект горит.

– Ах да, проект... Вечно у нас что-то в офисе горит. Хоть пожарную команду вызывай. И Эдуард, значит, в центре борьбы с огненной стихией... Да, хороший работник Эдуард, что и говорить. Ценный. И зачем он вам понадобился в субботу?

– Мы с ним договаривались пойти на одно мероприятие... развлекательное. Давно планировали... Отпустите его, пожалуйста! Ведь это же выходной... Нам хочется вместе побыть.

Ремезов молчит, усмехается в бороду. Обдумывает. Наверное, ему приятно, когда его умоляют. Может, заломить руки и поплакать? Нет, выйдет перебор.

– Нет, – изрекает он величественно. – Не отпущу. Еще чего выдумали!

– Ладно, – отвечаю уныло. Не особо-то я надеялась. Шикарный костюм Фионы так и останется висеть в шкафу, а я проведу очередной одинокий вечер.

– Сделаем так, – говорит Ремезов, постукивая длинным пальцем по бокалу. – Эдуард будет трудиться в офисе на благо компании, а на ваше развлекательное мероприятие вы пойдете со мной.

– С какой это стати!

От изумления роняю вилку, она гремит по полу, к ней хищной бесшумной птицей бросается официант.

– Выслушайте до конца, а потом вилками швыряйтесь. Вот что скажу: я вам завидую, Татьяна.

– Почему?!

– Меня заинтересовал ваш подход. Он инфантильный и безответственный. Но вот в чем дело... недавно я обнаружил, что разучился радоваться жизни. Новые победы и достижения не приносят удовольствия. Наверное, грянул кризис среднего возраста. И вы правы: мне скучно. Хочу попробовать что-то новое. В этом деле мне нужен наставник и проводник. Безбашенный и легкомысленный. Это вы, Татьяна.

Мотаю головой и закатываю глаза.

– Мы с вами заключим договор, – объясняет Ремезов с удовольствием. – Целый месяц вы будете меня развлекать. Мы будем ходить на свидания, выбор развлечений оставляю за вами. Все, что вам в голову взбредет.

Смотрю на него, такого вальяжного и барственного, в кресле развалившегося, и не пойму, кто из нас двоих сошел с ума.

– Какие еще свидания! У меня жених есть! А у вас невеста!

– Свидания деловые, не романтические. Считайте, что на месяц беру вас на работу. Эдуарду вы все объясните. Он поймет. Награда за вашу жертву будет такой: в конце месяца я назначу Эдуарда заведомом. Конечно, если он серьезно не напортачит. Насчет моей невесты не беспокойтесь: Валерия девушка умная, возражать не будет. Я вас с ней познакомлю. Вы другу не понравитесь, но это неважно: вам с ней не детей крестить.

– Родион Романович, можно, скажу прямо и честно?

– Валяйте.

– Ваша идея – полный бред. Не обижайтесь, пожалуйста. Но это правда.

– А я взял и обиделся. Потому что это не бред, а безобидная причуда. Я уже говорил, что причуд у меня много?

– Отказываюсь выполнять ваши причуды.

– Ну же, вы ничего не теряете! Раз собрались замуж за Эдика, должны быть для него опорой. Такого пустяка не хотите ради него сделать – его шефа развлекать!

– Развлекать! Я порядочная девушка. За кого вы меня принимаете!

– А вот теперь я не только обижен, но и оскорблен, – он раздувает ноздри и сверкает глазами. – Не надо так. Я тоже порядочный человек. На чужих невест не покушаюсь. Мне своей хватает выше крыши.

Скриплю зубами. Из меня рвутся разные гадости. Но я сдерживаюсь. А потом задумываюсь. Предложение Ремезова, хоть и странное, совпадает с моим планом – помочь Эдику в его карьере.

– И как вы себе все представляете?

– Вот это разговор! Слышу в вашем голосе деловые нотки. Обсудим детали.

Он хватает салфетку, выуживает из кармана «Паркер» и быстро пишет.

– Два раза в неделю мы с вами встречаемся и проводим время вместе. Вы учите меня радоваться мелочам. Показываете мне ваши... блески жизни, или как вы их там назвали? Разные милые чудачества. Но это могут быть самые обыденные вещи типа похода на рынок за картошкой. Сдается, вы умеете все что угодно превращать в шоу. Расходы несу я, так что ни в чем себя не ограничивайте. Но в пределах города. Уезжать на электричках в итальянскую тмутаракань я не смогу: у меня все-таки работа и обязанности. Через четыре недели я говорю вам «спасибо» и назначаю Эдуарда заведующим с повышением зарплаты. Ну как?

Лихорадочно размышляю.

Это ловушка. Или игра. Ловушек я побаиваюсь. А игры люблю. Сразу понятно: Ремезов тоже играть любит. Меня засосало любопытство.

Попробовать, что ли? Это приключение. Никогда не отказываюсь от приключений.

Но надо все же держать ситуацию под контролем. Да, именно так! Держать под контролем. Мне нравится это выражение. Сразу чувствую себя хитрой и умной.

Напускаю на себя деловой вид и спрашиваю:

– Уточните, что именно вы хотите получить. Повеселиться? Вернуть вкус к жизни и чудачествам?

– Да, так. Но только в вашей компании. Вы меня забавляете своей детской непосредственностью.

– А если вам не понравится? Я же не психотерапевт, чтобы понимать, что вам нужно. Вдруг вы разочаруетесь? Испугаетесь?

– Мы и это включим в договор. Не понравится – вы не виноваты. Главное – старайтесь. Восемь свиданий. И все. Представьте, что вы мой гид, или экскурсовод, или аниматор. Работали когда-нибудь аниматором?

– Приходилось в студенчестве. Тяжелый и неблагодарный труд.

– Со мной будет проще. Я не капризен.

Поднимаю брови, показывая сомнение.

– А если Эдуард будет против?

– Не будет. Вы его убедите, объясните. Вы, женщины, это умеете. Если он вас любит, должен вам доверять. Как вы ему доверяете.

Смотрит на меня загадочно, постукивая ручкой по салфетке. Лицо спокойно, губы крепко сжаты.

И я решаюсь.

– Хорошо, – киваю царственно. – Давайте попробуем.

– Вот и ладушки, – Ремезов салютует мне бокалом. Он, похоже, ни секунды не сомневался, что я соглашусь.

Физиономия зловеще-довольная, словно у пирата, который взял штурмом портовый город и теперь предвкушает, как будет его грабить и развлекаться с местными красотками.

Подумываю, не взять ли свои слова назад. Ой, не потяну я роль гида для Ремезова по радостям жизни. Он меня вперед укатает, с его-то причудами.

– Родион Романович, а вот если я откажусь, вы Эдуарда не повысите?

– Его кандидатура будет рассматриваться наравне с остальными. Он толковый сотрудник, старательный, хваткий. Но таких у меня полным-полно. Должность видная, на нее много охотников. Если вам интересно, буду ли его гнобить после вашего отказа – нет, не буду. Но в случае вашего согласия я буду знать, что и он, и его невеста готовы на все ради общего дела. А это плюс в карму Эдуарда.

– Понятно...

Ремезов продолжает ковать железо, пока горячо.

– Итак, первым делом вы меня поведете на то развлекательное мероприятие, куда Эдуард отказался пойти в силу загруженности на работе. Что за мероприятие-то?

– Фестиваль гик-культуры.

– Это еще что за ерунда?

– «Теорию большого взрыва» смотрели?

– Читал книгу Стивена Хокинга. О космологической модели Вселенной. Так мы пойдем на научную конференцию? Удивили, Таня.

Господи, он еще и умный, и начитанный. И при этом темный, как чулан.

– Да нет, «ТБВ» – это молодежный развлекательный сериал... про гиков. Гики – это люди, увлеченные поп-культурой. Фантастикой, фэнтези и технологиями. Фанаты сериалов, игр. Они организуют... ну, типа, балы-маскарады. Наряжаются в костюмы любимых героев. Как на Хэллоуин. Проводят конкурсы, сценки показывают. Продают и покупают коллекционные вещи, игрушки.

Ремезов заинтересовался, даже вперед подался.

– Примерно понял. Так туда надо в маскарадном костюме приходить?

– Вам не надо, – машу рукой.

Хоть убейте, не могу представить себе Ремезова в наряде эльфа или орка. Да и Шрека тоже. Не его типаж.

– Нет-нет, давайте по правилам. У вас-то костюм будет?

– Будет.

– Вы мне тоже приготовьте какой-нибудь костюм, ладно? Денег дам.

Ох, не знает он, во что ввязался...

– Хм, это и правда будет забавно! – предвкушает Ремезов. – Последний раз я надевал маскарадный костюм в детском саду. Зайчика, кажется. Помню, у меня были большие уши на ободке. Они сваливались, и мама привязала их мне резинкой. А девочка, которая мне нравилась, оттянула резинку и отпустила. Было больно.

– Какой занимательный факт вашей биографии. И что же, вы благородно простили первой возлюбленной унижение и боль?

– В шесть лет я еще не дорос до джентльмена и был ужасно мстительным. Поэтому сунул ей пирожное за шиворот, а любовь сразу прошла.

– Давайте договоримся: если вам что-то не понравится, вы со мной так поступать не будете.

– Разумеется, нет. Не бойтесь. В отличие от некоторых, я вырос и поумнел.

Это он на меня намекает, что ли? Обидно.

– Мне пора домой, – говорю сухо, чтобы показать неудовольствие. – Да и вам тоже. Невеста ваша, поди, заждалась. А меня ждет непростой разговор с Эдуардом.

– Валерия не заждалась, мы с ней на этой неделе уже встречались. Я бы с удовольствием еще с вами пообщался. Вы бодрите, как заряд кофеина. Но я уважаю ваше желание избавиться от меня поскорее.

Он подзывает официанта и расплачивается. Перед тем как приложить карту к терминалу, смотрит на меня с вопросительной насмешкой. Думает, буду ли я кочевряжиться и требовать раздельного счета. Мило улыбаюсь в ответ, не делая попытки достать кошелек. Ремезов кивает одобрительно. Ему нравится моя маленькая уступка.

Ничего, в этой мелочи я готова ему уступить.

В гардеробе он опять подает мне пальто по всем правилам, любезничает. Я даже немного смягчаюсь.

Выходим на улицу.

– Не хотите продолжить приятный вечер в химчистке? Я все еще надеюсь спасти свой костюм. Заодно ваше платье сдадим. Пятно на груди все же осталось.

– А домой я в чем поеду?

У Ремезова подозрительно вспыхивают глаза. Уж не представил ли он меня в пальто на голое тело? Но он говорит:

– Да, не подумал, что у вас на замену ничего нет. А давайте заедем в магазин и купим вам что-нибудь накинуть? Меня все же мучает совесть за то, что я испортил вам наряд.

– Да не беспокойтесь вы! Дома все отстираю.

– Вернемся к бизнес-центру, там мой автомобиль припаркован.

Пока бредем до автостоянки, я уточняю детали.

– Родион Романович, и все-таки, чтобы вы получили удовлетворение от вашей авантюры, мне нужно знать, что вам интересно. Ну хоть какие-то увлечения у вас есть? Спортзал, лыжи – и все? Ах да, вы еще книжки по астрономии читаете.

– Детективы тоже люблю. Про Арчи Гудвина. Знаете такого?

– Конечно! Он работал с толстяком Ниро Вульфом, любителем ветчины и орхидей. Ладно. А фильмы вы смотрите?

– Иногда. Люблю старые фильмы ужасов. «Рассвет мертвецов», «Байки из склепа», «Невеста Чаки»...

Я даже споткнулась. Смотрю на него с опаской.

– Вы серьезно?!

– Ну да. А что такого?

– Вам нравится эта гадость? Брр...

– Фу, Татьяна, критиковать чужие вкусы некрасиво. И почему сразу гадость? Фильмы атмосферные, с чудесной режиссурой и операторской работой. И в целом очень смешные.

– Вам смешно, когда людей режут на кусочки?

– Нет, это, конечно, печально. Если воспринимать всерьез. Вот только герои в этих фильмах такие идиотские финты откалывают, что радуешься, когда им достается за их глупость.

– Наверное, вам понравится в квест-комнате ужасов, – рассуждаю вслух. – Поищу для вас подходящий.

– Давайте вы не будете мне планы раскрывать. Хочу сюрпризов.

Достает брелок, щелкает – в темноте приветливо мигает фарами большой и дорогой автомобиль.

– Прошу. Экипаж подан.

Ремезов открывает для меня дверь и помогает устроиться.

Садится за руль и лихо выводит автомобиль со стоянки.

В салоне тепло, пахнет дорогой кожей и ухоженным мужчиной. Одеколон у Ремезова смоляной, с мистической маскулинной ноткой. Мне нравится.

А вот владелец одеколona вызывает смешанные чувства. Ремезов слишком уж непредсказуемый. Даже для меня. Никогда не догадаешься, что он выкинет. Рядом с ним невозможно расслабиться.

Ладно, продолжим исследование загадочной личности господина Эр-в-кубе.

– Вы что-нибудь коллекционируете, Родион Романович?

– Нет. Не понимаю коллекционеров. Зачем захламлять квартиру ненужными вещами? Пивными кружками, статуэтками, зубочистками... что там еще люди собирают?

– Как это ненужными? Эти вещи приносят радость их владельцам.

– А вы наверняка коллекционерка, угадал? И что складируете в шкафах к своей великой радости?

– Карандаши и брелоки.

– Карандаши еще могу понять. Ими можно писать, ими удобно чесать спину. А брелоки?

Сколько их у вас?

– Не считала. Штук пятьдесят. Подвески для ключей, для сумочек, для телефона...

Он качает головой, не отводя взгляда от дороги.

– Наверное, в прошлой жизни вы были сорокой, раз любите все блестящее.

– Кто-то из нас недавно упомянул, что критиковать вкусы других некрасиво.

– Да, это был я. Но я не критикую, я объективно замечая: увлечения у вас не по возрасту.

– Да боже мой! Ну, скажите, что я инфантильная. Давайте! Мне все время это говорят.

– Не буду. Раз вы это уже слышали.

– А вот давайте я вам докажу, что я не инфантильная.

Я разозлилась и повернулась к Ремезову. Он отвечает мне косым, полным насмешливого любопытства взглядом.

Он меня специально подначивает, это понятно! Ну вот, добился своего. Таня взорвалась, Таню понесло!

– Что такое инфантилизм? – вопрошаю и начинаю загибать пальцы. – Неумение нести ответственность, распределять финансы, идти к цели. Желание перекладывать решения на чужие плечи. Отсутствие воли, завышенная самооценка.

Все пальцы загнуты, получился кулак, который так и хочется впечатать в нос Ремезова, когда тот подтверждает:

– Все правильно. Незрелость.

Скрещиваю руки на груди и продолжаю наставительно:

– Ну так вот... я несу ответственность за свой выбор. Живу так, как мне хочется, и не требую, чтобы кто-то обо мне заботился. Финансами распоряжаюсь разумно. Зарабатываю мало, но не делаю дорогих покупок и даже откладываю на черный день. Если я чего-то сильно захочу, то добьюсь этого, черт побери! Да, возьму и доеду автостопом до Кордильер. И ни разу не пожалею о своем решении! Самооценка у меня нормальная. Свои недостатки знаю. С некоторыми борюсь, а другие принимаю как часть себя. Как должен поступать каждый зрелый человек. Все прочее – навязанные требования общества, дурацкие социальные нормы. Будь как все, страдай как все! Заводи семью, делай карьеру! Ничего не имею против семьи и детей. Скоро замуж выйду. А вот карьера меня не интересует. У меня другие приоритеты. Пусть у меня маленькие цели, но от этого они не менее ценные! Пусть их называют глупыми, но глупость – лишь точка зрения.

Замолкаю, потому что у меня закончилось дыхание.

Вот! Знай наших, Ремезов! У меня все-таки высшее образование, и диплом приличный. Могу аргументированно объяснять.

– Хорошо сказали. Впечатляет, – уважительно соглашается Ремезов. – Считайте, что я проникся. Так, это ваша улица и ваш дом? Приехали.

– Спасибо, что довезли.

Открываю дверь и хочу поскорей сбежать, но Ремезов ловит меня за руку.

– Стоп, куда?! Телефонами давайте обменяемся. Итак, до субботы?

– До субботы.

– До свидания, Таня. Рад, что познакомился с вами. Вы мне очень понравились. Буду думать о вас весь вечер. И о наших будущих совместных приключениях.

Он говорит это очень серьезно, загадочно, добавив в голос бархата. Перед таким голосом ни одна не устоит.

И я поверила в то, что понравилась Ремезову. Его проникновенный, горящий взгляд наводит на определенные выводы.

«Опасность! Аларм!» – звенит в голове.

– До свидания, – вежливо вырываю руку и несусь к подъезду. И чувствую, как пиратский взгляд сверлит мою спину между лопаток.

Захожу в квартиру, без сил сажусь на табурет и истерически смеюсь.

Ну и вечер выдался! А какой месяц ждет впереди!

Но нужно объясниться с Эдуардом. Все-таки наш договор с Ремезовым очень и очень сомнительный. Любой мужчина будет негодовать, если его невеста начнет выходить в свет с его шефом.

Звоню Эдику.

– Привет. Можешь приехать ко мне? Срочно. Мне нужно кое-что тебе рассказать и посоветоваться. Это очень важно!

– Танечка, я еще на работе, – расстроено говорит Эдик. – По телефону можешь сказать, что там такое у тебя важное?

– Нет! Давай по скайпу!

– Ладно...

Включаю ноутбук, запускаю программу и делаю вызов.

На экране появляется утомленное лицо Эдика. Он в кабинете. Кругом синие папки, бумаги с распечатанными таблицами, мятые обертки от шоколадок, грязные кружки. Работает, бедняга... А Ремезов даже и не сразу вспомнил, что оставил его пахать до ночи.

5

Я рада его видеть. Мой Эдик, такой простой, предсказуемый и родной, улыбается.

– Ну что, Танюша? Как вечер провела?

– Сложно описать в двух словах. Была на бизнес-выставке, потом в ресторане с твоим шефом. И заключила с ним договор.

– Что? С Ремезовым?!

Эдик стремительно подается к камере, и от этого его лицо смешно искажается, расплывается, как блин.

И это очень негодующий и недоумевающий блин, с нахмуренными бровями и грозно гуляющими желваками.

– Не понял. Ну-ка рассказывай...

И я рассказываю. Со всеми подробностями. У Эдика глаза сужаются в щелки, челюсть каменеет, но потом на его лицо набегают тени мучительной задумчивости.

– Да, Эдик, тебе достался самый странный на свете шеф, – завершаю рассказ. – Теперь нам нужно решить, что делать. Я дала Ремезову предварительное согласие. Он обещал, что должность заведомо будет твоей через месяц.

– Таня, ты понимаешь, насколько это для меня унижительно? – говорит Эдик стальным голосом, но тут в микрофоне случаются помехи, и его мужественная фраза заканчивается мышинным писком.

– Догадываюсь.

– Я получу повышение не за свои заслуги, а за то, что отдам свою девушку в пользование шефу. На что это похоже?

– На первый взгляд, это похоже на что-то крайне аморальное. Но, с другой стороны, по словам Ремезова, ему нужна не эскортница, а аниматор-психолог.

Эдик молчит. Его рука хватается за ворот и дергает. Будь Эдик в галстук, он бы драматическим жестом распустил его. Но на нем свитер, который связала ему мама, нитки трещат, и Эдик испуганно отдергивает руку. Мама не простит ему растянутого ворота.

– Ремезов дал слово джентльмена, что у него ко мне чисто деловой интерес, – продолжаю я, пожалев свитер. Есть у меня подозрения, что интерес Ремезова заходит и в другую плоскость, но эту мысль решаю не озвучивать.

– Получается, Родион Романович совсем не ценит меня как специалиста, – расстраивается Эдик. – Не ценит, что я днюю и ночую на работе!

Он горестно обводит рукой офис, заваленный бумагами и отчетами.

– Ну что ты! Он сам сказал, что ты умный и хваткий сотрудник. Он все равно будет рассматривать твою кандидатуру. А мое согласие, наш договор – это как демонстрация вассальной преданности.

– Может, он еще право первой ночи потребует? – иронично говорит Эдик.

– Да брось! У него невеста. Он обещал нас познакомить.

От предположения Эдика у меня, однако, по позвоночнику пробежали мурашки.

Эдик чуточку расслабляется.

– Да, невеста имеется, Валерия Андреевна...

– Ты с ней знаком?

– Она иногда заходит к нам на работу. Такая, знаешь, штучка... ухоженная, холодная, стальная мымра.

Мое любопытство разгорается. Интересно, Ремезов любит свою стальную мымру? Когда он упоминал о Валерии, страсти в его голосе не звучало. Явно их союз – деловой расчет. Как она выносит его причуды? Или с ней он другой? Нормальный?

Эдик прерывает мои размышления вопросом:

– Таня, я могу тебе доверять?

– Конечно! – обижаюсь я.

– Я стою перед непростым выбором.

– Очень непростым! Но я готова помочь тебе.

– Ты умница, Таня. Я знаю, что могу во всем на тебя рассчитывать.

Эдик вздыхает и подпирает подбородок ладонью.

– А тебе хочется этим заниматься? Развлекать Ремезова?

Пожимаю плечами.

– Не знаю, сколько я выдержу. Он иногда забавный. Но он меня раздражает.

– Ты выдержишь, Таня. Ты сильная и умная, – заявляет Эдик.

Оп-па! Это значит... Эдик не против? Честно говоря, я рассчитывала, что он скажет решительное «нет». Тогда у меня свалился бы камень с души.

– Давай сделаем то, что он просит, – говорит Эдик и кладет на стол ладони, как бы подводя итог. – Если смотреть без предрассудков, в этом действительно ничего плохого нет. Да и тебе веселее будет этот месяц. Пойдешь с ним в разные интересные места, на мероприятия... какие ты любишь. Выставки современного искусства, покатушки на роликах, гик-конвенции. А то я совсем тебя забросил с этой работой...

– Хорошо. Я сделаю это.

– Я люблю тебя, Танечка, – проникновенно говорит Эдик.

– И я люблю тебя. Ты еще долго в офисе сидеть будешь? Домой не собираешься? Вид у тебя усталый.

– Еще – часик и домой. – Эдик со вздохом берет кружку и болтает остатками кофе. – Что поделать, жизнь такая. Кому-то приходится выбирать между работой и удовольствиями.

Остаток вечера коротаю в одиночестве перед телевизором и размышляю.

Эдик поступил правильно и мудро, убеждаю я себя. Он показал, что доверяет мне. И нет ничего плохого в том, чтобы выслужиться перед шефом. Так и бабушка моя считает.

Надо рассказать ей о Ремезове. Она меня наверняка поддержит. В свое время она возила генерала, начальника деда Димы, на озера и показывала ему заветные рыбацкие места. Все ради мужа, который рыбу на дух не переносил. А баба Аглая заядлая удилицница. Даже на зимнюю рыбалку похаживает, закутанная в три тулупа, с ледобуром наперевес.

Генерал, правда, был в годах, не такой живчик, как Ремезов. Кроме карасей и чекушки под уху его ничего не интересовало. Баба Аглая составила ему хорошую компанию, они расстались довольные друг другом, а проверка в части прошла как по маслу. Деда Дима был ей благодарен. Она всегда была его надежной опорой.

Но все-таки на душе как-то мутно. Гнетет предчувствие, что я подписала договор с дьяволом. Причем с полного одобрения Эдика.

Таких мужчин, как Ремезов, я раньше не встречала. Умный, ироничный. Слишком уж ироничный, язва натуральная. С идеями. Которые даже меня в ступор вгоняют.

Но притом у него милые старомодные увлечения. Надо же, молодежные сериалы не смотрит, а ценит винтажные фильмы ужасов. Классические детективы читает. В космологии шарит.

Взгляд у него острый, шалый. А глаза темно-карие, почти черные. Брови красивого рисунка, и нос ничего так, прямой... Его профиль на старинной монете хорошо бы смотрелся.

Ой. Трясу головой и недоумеваю.

Кто бы мне сказал вчера, что буду сидеть и размышлять в таком ключе о глазах и носе Эдикова шефа – не поверила бы.

Да я до сих пор поверить не могу, что ввязалась в эту авантюру! Хотя к авантюрам я всегда готова. Но только если они безопасные.

Что бы я Ремезову ни задвигала, как бы ни бахвалилась, я осторожная девушка. Даже немного трусливая. Уж себе врать не буду... Вечно меня разрывает между желанием исследовать мир и страхом куда-нибудь вляпаться.

Не люблю думать о будущем еще и потому, что начинаю волноваться о разных подставах. Которые присутствуют в любом будущем, даже самом оптимистичном.

И сейчас мое шестое чувство вопит: от сделки с Ремезовым можно ждать беды.

Вот бы ему быстро надоела его затея и он от нее отказался!

...А можно ведь этому поспособствовать! Но остороженько, чтобы он не заподозрил меня в саботаже. Устроить ему такие развлечения, чтобы он махом позабыл свои причуды.

Хмыкаю.

Сто против одного, что Ремезов пойдет на попятную сразу же после субботнего мероприятия. Когда увидит, что собой представляет «Крейзи-кон». Это сборище не для снобов в дорогих костюмах.

Хе-хе-хе. Потираю ладошки, как заправский злодей, вынашивающий коварный план.

...Но толком я свой план за оставшиеся три дня обдумать не успела. Честно говоря, мне вообще было не до Ремезова и его закидонов.

Потому что я все-таки взрослый и самостоятельный человек и должна зарабатывать себе на пропитание, оплату коммуналки и новые брелоки. А заработки мои улетучились, пришлось хвататься за что попало.

Нашла заказ на заполнению электронных таблиц, два заказа – на наполнение сайта писаниной и на редактирование брошюры о психологии домашних хомяков. Брошюру надо было перевести с заумного научного на доступный широкой публике язык. Для этого пришлось взять у соседки на время хомяка, чтобы лучше изучить его привычки.

Короче, мне было чем заняться в эти дни. Два раза Эдик зашел в гости, хоть и ненадолго. Вел себя как идеальный бойфренд: приносил цветы, конфеты. От моих расспросов отмахивался: все как обычно, работы полно, но в конторе более-менее тихо. Потому что шефу пришлось срочно махнуть в столицу на бизнес-переговоры.

Ну я и успокоилась. Раз Ремезов уехал по делам, значит забыл о своей причуде. Ему же компанией надо управлять, повышать показатели!

...И потому звонок в пятницу вечером застает меня врасплох.

Сижу, наблюдаю за хомяком, делаю заметки. И тут телефон заливается, на экране – незнакомый номер.

Отвечать не хотелось. Опять спамеры звонят! Номер уж больно красивый, симметричный. У простых людей таких нет, только у мошенников.

Будут предлагать взять кредит или сходить в новый массажный салон.

Телефон замолкает, но через минуту опять оживает.

Какие настойчивые спамеры!

Отбрасываю в сторону блокнот, нажимаю кнопку и заявляю:

– Нет, спасибо, отстаньте от меня, до свидания.

– У вас красивый голос по телефону, но я бы предпочел услышать другое, – говорит знакомый баритон. – Например: «Да, Родион Романович, я согласна на все!»

– Это вы!

Чуть не роняю трубку.

– Остался один день, – предупреждает он зловещим голосом, как призрак, который называет в фильмах ужасов с упорством, которому и спамеры бы позавидовали.

– Ой, завтра суббота... Простите, я и забыла совсем о нашем договоре. И номер ваш не узнала.

– Надо было записать его в телефонную книгу, как я велел.

– Вы, значит, не передумали? – спрашиваю убитым голосом.

- Нет, конечно. Итак, где, во сколько, какая форма одежды?
- В шесть, у Дворца культуры. Одевайтесь в привычное и удобное.
- А маскарадный костюм?
- У меня есть, я принесу.
- Хорошо.

Но Ремезов не заканчивает разговор. Спрашивает вкрадчиво:

- А чем вы сейчас занимаетесь?
 - Изучаю повадки Афони.
- В трубке озадаченное молчание.
- Кого?
 - Хомяка. Его так зовут – Афоня.
 - У вас живет хомяк?

– Временно. Он не мой. Взяла в аренду. За кило конфет.

– Даже не знаю, какой вопрос вам задать, чтобы прояснить все и разом. Ладно. Зачем вам хомяк в аренду?

- Говорю же: изучать повадки, чтобы получить вдохновение.
- И... что вы успели изучить?
- Большую часть суток хомяки едят, спят или закапываются в опилки.
- И на что вас вдохновили эти наблюдения? На новый образ жизни?

Смеюсь и поясняю, пока Ремезов не лопнул от удивления:

– Мне для брошюры надо. Я редактирую, точнее, переписываю статьи за деньги. Это называется рерайтинг.

- Я знаю, что такое рерайтинг. Просто не знал, что он требует аренды хомяка.
 - Я ответственно подхожу к делу.
 - Жду того же уровня ответственности от вас и завтра. До свидания, Татьяна.
 - До свидания.
 - Стойте! А вы не спросите, чем я сейчас занимаюсь? Это будет вежливо, раз я спросил.
- Покорно спрашиваю:
- И чем вы сейчас занимаетесь?
 - Изучаю, можно ли добраться до Сан-Марино на электричках с пересадками, как вы мечтаете.

– Ну и как?

– Можно, но придется часть пути проделать на канатной дороге или на автобусе. Сейчас рассчитываю, сколько займет все путешествие. Сам не пойму, зачем убиваю на это драгоценное время. Но вдруг стало интересно.

- Ну, потом сообщите мне о результатах подсчетов.
- Непременно.

Он вешает трубку.

– Да, Афоня, Ремезов – это шкатулка с сюрпризами, – не то хвастаюсь, не то жалуясь хомяку.

Афоня запихивает в пасть кусок морковки и таращится на меня глупыми глазенками.

В субботу утром я все же звоню Эдику и спрашиваю:

– Не передумал на «Крейзи-кон» со мной сходить? А Ремезову дадим от ворот поворот.

– Нет, Танечка, – вздыхает Эдик. – Пусть уж будет, как договорились. Мне работать нужно. Да и шефа злить страшновато. Ты его видела в гневе? Нет? То-то же. А я видел. Не рекомендую. Мы потом с тобой обязательно ходим куда-нибудь вместе. Хочешь в зоопарк? Или в кино?

- Конечно, хочу.

Здорово было бы пойти с ним в кино прямо сейчас! Эдик всегда покупает себе самый большой попкорн и не возражает, когда я у него тихонько ворую во время сеанса. Себе-то я не беру, в попкорне калорий много. А когда у другого отъедаешь – калории как бы не засчитываются.

Я соскучилась по Эдику. По неторопливому общению, по обнимашкам, по сочувствию. С Эдиком хорошо, спокойно. Он меня выслушивает, не подкалывает, не язвит. Он ласковый и заботливый. Именно такой мужчина мне и нужен. А я нужна ему. Мы уравниваем друг друга.

В сущности, я довольно одинока. Есть подруги, но чем старше мы становимся, тем реже видимся – у нас разные интересы, разные пути в жизни.

Моя компания в последние недели – ученики, клиенты, которых я знаю лишь по письмам, да хомяк Афоня.

Ну и ладно. Мне не скучно в одиночестве. С возрастом потребность в близких друзьях пропадает, это нормально.

Вечером меня ждет праздник. И Ремезов. Даже не представляю, как все сложится. Весело будет, это уж наверняка.

Приближается назначенное время, я собираюсь. Аккуратно складываю костюм Фионы, грим, парик. Достāju костюм Шрека, приготовленный для Эдика. Изучаю... и вешаю обратно в шкаф.

Нет, Ремезов его не получит. Он ему не пойдет. Эдик выше своего шефа и шире в плечах. На Ремезове костюм будет плохо сидеть. Из него выйдет недокормленный Шрек.

Да и просто не хочу. Шрек и Фиона – пара. По сценарию они должны показывать любовь друг к другу. С Ремезовым это отыграть не получится.

С Эдиком мы бы смеялись, обнимались, целовались на публику. Фотографировались с участниками и гостями. Потом обсуждали бы других персонажей, нам было бы что вспомнить в старости!

Ну его, этого Ремезова! Пусть ходит так. В крайнем случае купит себе какой-нибудь прикид на ярмарке, что открывается при фестивале. Сам выберет, что захочет.

Внезапно вся затея предстает в невыносимо дурацком свете.

В раздражении запихиваю вещи в сумку и выхожу на улицу. Такси уже ждет.

Приезжаю на полчаса раньше, чем договаривались. Ремезова еще нет. На крыльце Дома культуры уже толкуются девочки и мальчики в ярких париках, заливисто смеются.

Их веселье передается и мне. Все-таки есть что-то мистическое, задорное в балах-маскарадах! Гик-фестивали – их прямые наследники. Пусть мне никогда не побывать на маскараде в Венеции или на карнавале в Рио-де-Жанейро, я умею радоваться тому, что есть. «Крейзикон» ничуть не хуже.

Проталкиваюсь через фойе, где меня окликают знакомые: здоровенный клыкастый орк (студент-медик Коля), смугленькая, полненькая Дейенерис Бурерожденная с красивейшими восточными глазами (аспирантка-физик Айнур) и какой-то анимешный персонаж с лисьим хвостом (десятиклассница Лена, сестра моего однокурсника).

Иду в примерку и переодеваюсь. Ремезов ахнет, когда меня увидит. А может, и лишится чувств, ухмыляюсь я, накладывая грим на щеки.

– Нет, не принцесса. Королевна! – подвожу итог, разглядывая себя в зеркало.

Платье с тесным корсажем, отделанным золотой нитью, я шила сама, знакомая портниха лишь чуточку помогла. Парик покупной, но качественный – роскошная рыжая коса. И ушки на макушке.

А кожа-то, кожа какая! Ровная, блестящая. Изумрудно-зеленая. Я замазала гримом и лицо, и шею, и щедрый вырез на груди.

Мои соседки по примерке завистливо вздыхают и хвалят мои умелые руки.

Достаю телефон, делаю селфи и отправляю Эдику. В ответ получаю смайлик с поднятым большим пальцем и еще один – с поцелуем.

Телефон звонит.

– Таня, вы где? – нетерпеливо спрашивает Ремезов. – Жду вас у входа. Меня не пускают без пригласительного. Поспешите, пожалуйста! Тут... кхм... странно.

Ага, ему уже странно! А ведь странности еще даже не начались. Впечатлительный вы какой, господин Ремезов! Долго вы тут точно не протянете. Тут вам не зайчики с ушками на резинке.

Спускаюсь, иду плавно и величественно, как настоящая Фиона. На моем пути расступаются. Я умею отыграть роль.

В фойе уже многолюдно, ярмарка кипит. В глазах рябит от пестрых костюмов. Пахнет лаком для волос, кофе и попкорном. Это запах праздника! Настроение поднимается еще на пару градусов.

Выхожу на крыльцо и осматриваюсь. Ну и где же мой спутник на этот безумный вечер?

А вот и он.

Ремезов стоит в сторонке, в дорогом кашемировом пальто до колен, и с интересом разглядывает потоки молодежи, текущие мимо него. Он не один тут взрослый и серьезный – многие юные косплееры пришли с родителями. Но Ремезов, безусловно, самый респектабельный. И оттого самый неуместный среди веселого безобразия.

Подхожу к нему и здороваюсь:

– Добро пожаловать в сказку, Родион Романович.

Он поднимает глаза, вздрагивает.

Смотрит на меня настороженно, неузнаваяще. А потом как узнаёт!

– Таня, вы кто, такая зеленая? – задает он дурацкий вопрос. – Принцесса-лягушка? Я должен вас поцеловать, чтобы вы превратились в человека? Или стянуть и сжечь ваш наряд, как в сказке?

Я даже ахаю от его невежества и двусмысленности комментария.

– Сами вы лягушка, господин Ремезов. Я принцесса Фиона! Ну, Шрек, мультфильм! Неужели не смотрели в детстве?

Он прищуривается, припоминает и хлопает себя по лбу.

– Да, точно. Теперь я вас узнал. Вы огр-оборотень. А мне, стало быть, приготовили костюм толстяка Шрека? – уточняет с опаской. – Мне придется рыгать и ковырять в ушах, чтобы соответствовать образу?

– Нет, – мотаю головой. – Простите, решила, что вам этот костюм не подойдет. Фактура у вас не та. Но там есть магазин, можете подобрать себе что-нибудь.

– Да я уж сомневаюсь, стоит ли.

– А все-таки давайте посмотрим, – предлагаю азартно. Мне хочется отомстить ему за лягушку.

Проходим на площадку с прилавками. Ремезов крутит головой, глазеет по сторонам. Выражение скепсиса на его лице сменяется жгучим интересом. Он все больше увлекается и постоянно расспрашивает:

– А вот это кто такой, с рогами? А там?

Я поясняю, называю персонажей игр, сериалов, фильмов и комиксов.

Кого тут только нет!

Инквизиторы, паладины и жрецы, Дарты Вейдеры всех размеров, Джокеры всех мастей, кошководочки и динозавры, семейки Аддамс...

Особенно впечатлили Ремезова Обеликс – дядька с голым пивным пузом, рыжими усами и косичками, в полосатых штанах – и его мелкий и шустрый спутник Астерикс. Дядя Гриша

и тетя Клава. Парочка известная, ходят на все фестивали, им обоим уже за пятьдесят. Но они позадорнее любой шпаны. Она – бывшая актриса, он – бутафор.

– Ишь ты! – изумляется Ремезов. – Ну-ка дайте и я что-нибудь себе подберу. А то хожу как дурак в рубашке и жилете.

– Да-да, – охотно подхватываю я.

Ремезов косится на меня, задумчиво бродит между рядами, морщится. Он отвергает все, что выставлено на продажу.

Тут единорожьи хвосты и рога, неоновые парики, разные звериные запчасти.

– Нет, это не пойдет, – говорит он, с отвращением бросая обратно на прилавок пушистые заячьи уши. Наверняка они всколыхнули в нем кучу детских комплексов и травм. – Мне нужно что-то другое. Что-то более brutальное.

– Танюха, привет! – орут мне в ухо. Оборачиваюсь и приседаю от страха.

Передо мной стоит долговязый зомби-медведь в шляпе. Морда заштопана, на шкуре натуралистичные пятна крови.

– П-п-привет, Вадик, – здороваюсь с ведущим программистом Вадимом Петровичем, с которым мы познакомились год назад по работе. Я выполняла для их конторы кое-какую халтурку.

– Хорош я? – Он крутится передо мной. – Мне жена сварганила. Плевалась, называла придурком, но шила.

– Молодец она у тебя.

– А то!

Вадик убегает.

– Кто это был? В смысле, персонаж, не человек?

– Это Фредди, медведь-аниматроник из одной компьютерной игры ужасов¹.

– Фредди, говорите? – Ремезов задумчиво морщит лоб. – Слушайте, я придумал. Все же хочу костюм. Сделаю его себе сам. Есть тут поблизости секонд-хэнд и хозяйственный магазин?

– Может, лучше не надо?

– Надо, Таня, надо. Мне стыдно ходить рядом с вами в приличном виде. Желая хлебнуть местного безумия. Надеть свою маску.

Он щелкает пальцами и велит:

– Так, ждите. Вернусь через десять минут.

И убегает.

Терпеливо жду его у входа и заранее боюсь его очередной причуды. Что ему взбрестило?

Ремезов и правда возвращается быстро, очень довольный. В руках у него два пакета.

– Где тут гримерка?

– Там...

– Еще пять минут, и я буду здесь своим.

Он скрывается в гримерке. Проходит больше пяти минут. Нервничаю все больше.

Время от времени из мужской гримерки раздаются взрывы хохота. Парням очень весело. Догадываюсь, кто их веселит.

Наконец дверь распаивается.

– А вот и я! – провозглашает голосом Ремезова появившееся на пороге нечто.

В ужасе тарашусь на него.

Что это за пакость такая?!

Нет, я отказываюсь сопровождать Ремезова! Какой позор, что меня увидят рядом... с этим!

¹ Медведь Фредди – персонаж популярной компьютерной игры Five Nights at Freddy's.

6

Брюки Ремезов оставил прежние – строгие, серые. Но выше брюк – полное безобразие. Теперь на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.